Кадетская
ПЕРЕКЛИЧКА

№ 34

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом, Нью-Йорк, США

№ 34 Нью-Йорк Ноябрь 1983

"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine
Published by Association of Russian Cadets graduated outside of Russia, Inc.
New York, USA

Subscription price $ 15.00 USA for three issues
5.00 USA per single copy

Founder
Paul Olferiev

—

Managing Editor
Nicholas W. Koziakin

—

Administrator
Eugene Girs
85-59, 88th Street
Woodhaven, N. Y.
11421

—

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вѣрны завѣтамъ старины,

1 *

Император Александр III
основатель Донского Императора
Александра III Кадетского Корпуса

Генерал-лейтенант А. П. Богаевский

Атаман Войска Донского

Первый Директор корпуса
ген. Н. М. Левачев

Директор корпуса ген. майор
Е. В. Перрет (1922-1933)

ПРИВЕТ ДОНЦАМ.

Дорогих нам донцов, кадет Донского Императора Александра III Кадетского Корпуса, рассеянных по всем пяти континентам, редакция журнала от всей души поздравляет со столетним юбилеем со дня основания корпуса и с грустью вспоминает вместе с вами печальную дату окончательного расформирования корпуса пятьдесят лет тому назад.

За тридцать пять лет существования на родной земле корпус воспитал поколения верных и преданных родине и казачеству воинов. Пятнадцатилетнее пребывание корпуса на чужбине, зачастую в невыносимых условиях, было тяжелым испытанием верности, и верс в будущее своего народа. Достойные сыны Дона испытание выдержали, сохранив свою верность заветам старины, Матери России и казачеству.

Вечная память ушедшим и Слава живым.

Редакция.

Желая отметить юбилейный год вместе с донцами мы печатаем в этом номере ряд статей, посвященных Донскому Корпусу, любезно предоставленных нам Юбилейным Комитетом.

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ.

Давно догорела свеча, зажженная сто лет тому назад, но свет и теплое мерцание ее продолжают согревать сердца тех питомцев Донского корпуса, которым суждено дожить до такой знаменательной даты.

Народ, забывший свое прошлое, перестает существовать и теряет свое имя. Россия — Великая страна, с тысячелетней историей и культурой, озаренных вековым бытом и Светом Православной Веры. Россия, как добрая мать, — изливала свое материнское тепло на все народы, населявшие ее бесконечные пространства, биение ее сердца чувствовалось во всех многообразных проявлениях жизни ее народов. И, если в данное время ни одна карта на земном шаре не красуется именем Российского государства, вследствие наших прегрешений и попущения Господня, — то это еще не значит, что творимый на русской земле дьявольский эксперимент достиг своей цели: стереть с лица земли имя России.

Народ не забыл своего имени и своего прошлого, — он жив и будет жить! Мы отмечаем годовщины рождения и смерти своих близких и всех, кто когда-то, в свое время, по своему разумению, — старался и работал на том, чтобы грядущие поколения были достойными наследниками своего прошлого.

Нынче мы празднуем сто лет со дня основания Донского корпуса. Кадетский Корпус — также живое существо, в душу которого вкладывали свои духовные силы все: директора, воспитатели, преподаватели, весь обслуживающий персонал его и сами питомцы — кадеты.

Инициативная группа поздравляет всех кадет нашего Славного Донского Императора Александра III Кадетского Корпуса со столетним юбилеем основания и шлет им свои наилучшие пожелания.

Редеющие ряды наши, как и преклонный возраст, явились причиной недостаточного притока статей к юбилею. Все же старанием группы и участием однокашников стало возможным отметить это событие.

Донцы! Это ваш юбилей и от вашего лица мы благодарим однокашников за участие, за присланный материал, за сердечные письма.

Особую благодарность приносим Нонне Белавиной за ее чудные стихи, в коротких, теплых словах отражающие пятьдесят лет существования Донского корпуса.

Сердечно благодарим Обще-Кадетское объединение, редактора «Кадетской Переклички» Николая Козякина за приветствие донцам и сотрудничество, давшее нам возможность отметить в печати столетний юбилей основания корпуса и Михаила Лермонтова за художественно исполненный заглавный лист.

В этом выразилась истинная кадетская спайка кадет всех корпусов. Поблагодарим же их за то, что они есть и будут, и через них наше славное прошлое будет залогом будущего, ибо «возвращается ветер на круги своя».

1983 года

Юбилейный Комитет

И. Донцов, 40 вып.
И. Квятковский, 43 в.
В. Казимиров, 43 вып.

ПАМЯТИ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III — ЦАРЯ МИРОТВОРЦА

ШЕФА ДОНСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА.

Император Александр III родился 26-го февраля 1845 г. Скончался он в полном расцвете сил на пятидесятом году жизни. Будучи вторым сыном императора Александра II он не предполагал, что ему придется царствовать, однако поэт В. А. Жуковский в своей поэме написанной ко дню его рождения, как бы угадывая его будущее писал:

«Да будет же твой век, Россия, благодатен,
Как родом, так душой будь Николая внук,
Да будешь ты земле и небесам приятен
И брату первенцу всегда по сердцу друг!
Как Невский Александр, будь князь благочестивый,
Как новый Александр, герой позднейших лет,
Будь Александр Миролюбивый,
Смиреньем будь велик, любя небесный свет.
Благословенному достойно соименный,
Еще величия России Ты прибавь,
И имя русское во всех концах вселенной —
Своею жизнею прославь.»

Пожелания поэта оправдались с изумительной точностью. Вел. Кн. Александр стал наследником престола в 1865 г. после кончины своего старшего брата цесаревича Николая. Император Александр III был истинно русский Царь, обладатель лучших качеств русского человека, богатырь по внешности, неутомимый работник на престоле, человек исключительных семейных добродетелей, твердый в слове, неизменный в дружбе и преданный своему долгу. Вступив на престол при крайне печальных обстоятельствах, он должен был принять меры к обеспечению общественного порядка и спокойствия. В своем манифесте от 29-го апреля 1881-го года он точно и определенно высказал программу своего царствования: «Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело правления в уповании на Божественный Промысел, с верою в силу и истину самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений.

Да ободрятся же пораженные смущением и ужасом сердца верных Наших подданных, всех любящих отечество и предан-

ных из рода в род наследственной царской власти. Под сению ее и в неразрывном с нею союзе, земля Наша не раз переживала великие смуты и приходила в силу и славу посреди тяжких испытаний и бедствий, с верою в Бога, устрояющего судьбу Ее. Посвящая себя великому Нашему служению, Мы призываем верноподданных Наших служить Нам и государству верой и правдой к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю русскую, — к утверждению веры и нравственности, к доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, водворению порядка и правды, в действии учреждений, дарованных России благодетелем Нашим родителем».

Но прежде всего надо было положить предел деятельности политических злоумышленников. И монарх с полным доверием обратился к своему народу. В народе же он искал опоры, и в первые дни царствования был учрежден совет из выборных от столичного населения.

Запрещением некоторых периодических изданий была уничтожена та почва, на которой сеялись семена недовольства, вызванные тем, что Россия не оправилась еще от войны 1877-78 гг. и голода 1880 года.

Царь понял, что для блага России, ему предстоит иной путь деятельности:

Военных подвигов година
Грозою шумной протекла;
Твой век иная ждет судьбина,
Иные ждут тебя дела...
Замкнулся свод небес лазурных
Непроницаемою мглой, —
Настанет век борений бурных,
Неправды с правдою святой.

Этому борению и исканию святой правды и было посвящено 13-летнее царствование Александра III.

Были предприняты: оценка реформ предыдущего царствования, пересмотр городового и земского положений, судебных уставов, установление надзора за крестьянским самоуправлением, учреждение земских начальников. Учрежден крестьянский земельный банк, а позже и дворянский земельный банк.

3-го мая 1883 года были дарованы раскольникам значительные гражданские льготы и право свободного отправления богослужений. В дни же коронации они были призваны к охране порядка и благочиния в Москве.

14-го мая 1883 года была отменена подушная подать с безземельных крестьян, фабричных и заводских рабочих, наполовину понижена подать для бывших помещичьих крестьян некоторых губерний и на одну десятую повсеместно. Приняты меры к поднятию благосостояния платящих классов населения. Изданы правила о найме рабочих, учреждена фабричная инспекция, издан закон об ограничении труда малолетних и упорядочен переселенческий вопрос. Дозволено нуждающимся в земле крестьянам переселяться на казенные земли. Развитие русской промышленности, равномерное ограждение и оживление всех ее отраслей — было особой заботой Александра III и с этой целью в 1891 году был издан новый таможенный тариф. Благотворные финансовые реформы дали возможность реорганизовать и усилить нашу армию. Александр III сознавал, что России нужна сильная и благоустроенная армия, стоящая на высоте современного развития, но не для агрессивных целей, а, единственно, для ограждения целости и государственной чести России. К мерам по усилению боевой готовности армии надо отнести также и перевооружение новыми ружьями. Улучшены способы обучения и строевой подготовки, увеличено число резервных войск. Военные гимназии переименованы в кадетские корпуса. Улучшен быт офицерства прибавкой содержания. Началось возрождение Черноморского флота и усиление Балтийского. Особое внимание было обращено на воспитание юношества, — новый университетский устав, призывавший к научному труду; преобразованы средние и низшие учебные заведения, а начальные школы переданы в ведение православной церкви. Дабы не отрывать детей от своей среды, — учреждены железно-дорожные и ремесленные школы. Учрежден технологический институт в Харькове. Основан на Дону — Донской кадетский корпус.

Прекращен прием слушательниц на медицинские женские курсы, — взамен открыты училища с четырехлетним курсом. Дворянство призвано принять участие в жизни деревни и содействовать развитию сельского хозяйства. Положен предел возрастанию землевладения иностранцев на западе и на юге России. Возвращены некоторым городам их старые русские названия. Введен русский язык в дипломатической переписке. Уничтожены некоторые привилегии прибалтийских губерний и ограничены некоторые льготы Финляндии. Закончена постройка Закаспийской железной дороги и начата по-

стройка великого сибирского пути, — одновременно — с запада и востока.

Император Александр III любил все русское и прежде всего прошлое своей родины. В серьезных исторических трудах он видел свет правды и пользу для грядущих поколений. Еще в 1866 году по его почину образовано «Русское историческое общество», в котором он оставался все время почетным председателем. Александр III был хорошо знаком с русской историей и принимал большое участие в чтениях «Исторического об-ва», любил читать биографии выдающихся русских людей во всех областях жизни, читал русские газеты, любил русскую музыку и литературу и придавал им огромное значение.

Спустя месяц после вступления на престол, император Александр III объявил иностранным державам (циркулярная депеша от 4-го апреля 1881 года), что он будет охранять общий мир и посвятит себя делу внутреннего развития. «Внешняя политика Его Величества, — говорилось в депеше, — будет вполне миролюбивой, — только долг защищать честь может отвлечь Россию от внутренней работы».

«Не скрою, говорил маркиз Сальсбюри (26-го октября 1894 года, на митинге в Лондоне), что сначала я имел некоторые опасения относительно того положения, которое он займет, но впоследствии красноречие фактов и опыт убедили меня, что мы обязаны русскому царю благодарностью за мир, обеспеченный Европе. Его самообладанием и его столь возвышенными христианскими принципами Александр III оставляет потомству память о характере государя, внушавшим благодарность всем нациям, и достойны глубокого изучения со стороны всех будущих правителей — все равно, избраны ли они народом или являются потомками королей».

В делах внешней политики заслуга императора Александра III огромна. Он проявил великодушие и настойчивость недоступные ни угрозам, ни лести и с полной прямотой раскрывавшие самые тонкие политические интриги.

Германия, ведомая в политике Бисмарком, старалась помешать сближению России с Францией. В ответ на это французская эскадра посетила Россию и Александр III сказал: «Имейте доверие ко мне, — интересы наших народов общие». «Кто-то, — говорит Альфред Рамо, — заметил тогда императору, что мир находится в Ваших руках, как чашка кофе». «В таком случае, будьте покойны, — сказал император, — ни того,

ни другого я из рук не выпущу».

В ноябре 1887 года император Александр III, будучи в Берлине, принял Бисмарка. Никому не известен их разговор, известно только, что Бисмарк вышел от императора в большом возбуждении, явно говорившем, что о спокойствие Александра III разбились все интриги Германии, старавшейся вовлечь Россию в войну: «Я за Болгарию не пожертвую ни одним русским солдатом», сказал Александр III.

В процессе сближения с Францией, Россия предоставила ей заем в 500 миллионов франков. Затем, Александр III посетил Париж и Тулон. Во время этой поездки кто-то заметил Александру III, что у французов «марсельеза», — «Ну так что же? Не могу же я сочинить им другой гимн». От этих слов во всей Европе осталось восторженное впечатление.

«Дэйли Ньюз» в Лондоне писала: «маленькая ошибка со стороны Александра III повергла бы Европу в колоссальную войну, — и вечной памятью ему пребудет, что ни одной ошибки он не сделал».

Царь спокойно устранял ложь, как богатырь разрывал расставленные сети и выходил победителем. Все заключавшиеся, двойственные и тройственные союзы против России, — разбивались о спокойные и сильные слова Русского Царя и его глубокое религиозное чувство, чем он и заставил Европу верить ему и его чистому сердцу. «В последние тринадцать лет, — писал «Таймс», — общий мир многократно зависел от решения Царя и все человечество обязано Ему всеми благами мирной жизни. Он пользовался своим могуществом для того, чтобы избавить мир от грозного бича войны».

Император Александр III скончался, как праведник, исполнивши все, что ему указано было волею Всевышнего. Он расстался с жизнью, как расстаются с нею люди с чистой совестью и с горячей верой в Бога.

Кончина императора Александра III явилась большим ударом, как для Русского государства, — так и для других ведущих государств Европы и Америки. Александр III руководствовался в своей политике двумя основными принципами: сохранением мира во всем мире, как главного стержня в благоденственном развитии всех народов, — и созданием и поддержанием величия России на началах справедливости на таком высоком уровне, чтобы ее не столько боялись, сколько уважали и считались с ее мнением. В этом плане Александр III и провозгласил принцип — «Россия — для русских». Хорошо

известно его выраженис: «Когда русский царь удит рыбу, — Европа может подождать». В этих словах Александр III не выражал презрения к деятелю какого-либо государства, а желал лишь охладить пыл чрезмерно суетливого политика, досаждающего ненужным беспокойством всей России в лице Александра III.

Приведем отзывы иностранной печати и некоторых русских непредвзятых историков, давших достойную и честную оценку правления императора Александра III.

Во Франции министр внутренних дел телеграфировал префекту: «Прикажите всюду спустить флаги. Русский император скончался». Обе палаты были созваны на чрезвычайное заседание и председатели их говорили скорбные речи. Председатель сената Шалемсль-Лакур сказал в своей речи, что русский народ переживает: «скорбь утраты властителя, безмерно преданного его будущему, сго величию, его безопасности; русская нация под справедливой и миролюбивой властью своего императора пользоваалсь безопасностью, этим высшим благом общества и орудием истинного величия». За последние дни, когда наука отказалась спасти императора и, когда он все еще был жив, вся Европа занималась оценкою его деятельности, и как человека и как государя — и не оказалось ничего, что не делало бы чести его прямоте, уму, честности, твердости в решениях, высоте духа, где не было ничего запутанного, где все сводилось к величию России, при посредстве мира, к горячему и неуклонному желанию предотвратить войну». В день погребения государя королева Виктория в качестве главы англиканской церкви, повелела отслужить во всех храмах Англии поминальные службы. На службе же в королевском дворце Виндзоре ею отдано было распоряжение внести в английский служебник погребальные песнопения нашего православного богослужения. Впервые пропето было на английском языке: «Со святыми упокой».

На родине парламентаризма — Англии — лорд Розбери, в речи посвященной царю, сказал: «Правда и мир были его лозунгом. Все единогласно утверждают, что его личность и характер обеспечивали Европе мир».

Французский министр иностранных дел Флуоранс говорил: «Александр III был истинным русским царем, какого до него Россия давно уже не видела. Конечно, все Романовы были преданы интересам и величию своего народа, но, побуждаемые желанием дать своему народу западно-европейскую куль-

туру, они искали идеалов вне России, то во Франции, то в Германии, то в Англии и Швеции. Император Александр III пожелал, чтобы Россия была Россией, чтобы она прежде всего была русскою и сам он подавал тому лучшие примеры».

Анатоль Леруа-Болье, французский академик, писал: «История назовет его истинно русским царем... Да, он был вполне русским и любил это показать. Не взирая на высокое занимаемое им положение, простой русский крестьянин видел в нем плоть и кровь своего народа». Французский же писатель Франсуа Коппе писал: «В наших сердцах мы еще долго будем хранить траур по благородном и справедливом императоре Александре III. Во время своего слишком кратковременного царствования он был представителем того, что, может быть, есть наилучшего в человечестве — высочайшей силы, совершенно свободной, руководимой совестью и желанием блага».

Прав был и наш историк В. О. Ключевский, говоривший, через неделю после кончины царя, в Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете: «Прошло 13 лет царствования императора Александра III, и чем тороплившее рука смерти спешила закрыть его глаза, тем шире и изумленнее раскрывались глаза Европы на мировое значение этого недолгого царствования. Наконец органы общественного мнения Европы заговорили о России правду и заговорили тем искреннее, чем непривычнее для них было говорить это. Оказалось, по их признаниям, что европейская цивилизация недостаточно и неосторожно обеспечила себе мирное развитие. Европейская цивилизация поместилась на пороховом погребе. Горящий фитиль не раз с разных сторон приближался к этому опасному оборонительному складу и каждый раз заботливая и терпеливая рука русского Царя отводила его. Европа признала, что Царь русского народа был и государем международного мира, и этим признанием подтвердила историческое призвание России, ибо в России, по ее политической организации, в воле Царя выражается мысль его народа, и воля народа становится мыслью его Царя».

Составил **В. Казимиров** пользуясь статьями из «Русской Старины» за Декабрь 1894 г. и из других источников.

ОСОБОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДОНСКОГО КАД. КОРПУСА.

Светлая память о юности далекой, молитвенная память о тех, кого уж больше нет в кадетском строю — память сердца особенно сильно говорит в юбилейные дни.

Вполне естественно, что Общекадетский историко-идеологический журнал предоставил свои страницы празднованию столетия основания Донского Императора Александра III Кадетского Корпуса. Для кадет — донцов эта знаменательная годовщина дает возможность рассказать о своем корпусе, о его особой судьбе. Тем более, что история Донского Корпуса охватывает период блистательного расцвета и трагического крушения нашей общей Родины — России.

В чем же заключалась особенность судьбы Д. К. Корпуса? Смысл и значение присяги, — «Верны заветам старины» и при каких условиях она сложилась для Донских кадет? Обстоятельный ответ на эти вопросы мог бы послужить темой для диссертации об отношениях, как они сложились вначале XX века, — Дона и России. Нам же придется ограничиться общим описанием того славного пути, по которому шел Д.К.К.

В 1883 году державной волей Александра III в Новочеркасске — столице Области Войска Донского — был открыт Кадетский Корпус не такой, как все его славные предшественники. Это было ясно из того, что новый корпус не был назван, как принято, по месту нахождения. По воле самого Государя вместе с его шефством новому корпусу было присвоено название — Донской, т. е. Войсковой, казачий. Это было ново, но в то же время естественно. Для казачьих полков нужны были казачьи офицеры — командиры.

В Донском Корпусе учились сыновья, как дворян, так и произведенных в офицерский чин за воинские заслуги природных казаков и калмыков. Отсюда и внешнее оформление Донского корпуса придерживалось местных культурных и бытовых особенностей Донской Области. Конечно, общевоинский устав, программа занятий, традиции, а, главное, моральное воспитание были чисто кадетскими и общеимперскими. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что вековой дух казачьего служения по защите государства укреплялся в стенах Донского Корпуса согласно указаниям его Царского Попечителя.

Внешне это проявлялось в том, что корпус делился на сотни, а не роты. Во главе кадетского самоуправления стоял вице-вахмистр. И для полной картины — красный лампас на параде делал четкий строй кадет неподражаемо донским. Большую роль играло и то, что в Новочеркасске было свое, вначале Юнкерское, а потом полное Военное Училище. Важ-

ность этого нельзя не дооценить. Последний начальник Новочеркасского Училища генерал П. Х. Попов вошел в историю начала борьбы за Россию. Как походный Атаман, — после трагической гибели атаманов Каледина и Назарова, — ген. Попов вывел из Новочеркасска юнкеров, кадет-партизан — в свой знаменитый Степной поход, в Сальские степи.

Участники Степного похода сохранили веру в духовную силу Донского Казачества и тем помогли успешному созданию стотысячной Донской Армии атамана Краснова в кратчайший срок. Эта историческая справка как бы подтверждает преднамеченность судьбы Донского Кадетского Корпуса.

Донские кадеты с 1883 до 1920 года духовно мужали под влиянием родного им окружения. Как правило, — они проводили каникулы в своих станицах и хуторах, часто под руководством деда. Родная степь, седые курганы, донские кони в вольных табунах — весь быт простой, но глубоко традиционный, иногда староверской жизни, казачьи семьи, — все это налагало неизгладимое впечатление на детскую душу кадета, будущего командира.

Эта духовно-физическая подготовка была абсолютно необходима. Как известно, в Российскую Императорскую Армию входили 17 кадровых донских полков. Эти полки составлялись только из казаков по станицам и округам. Командир и офицеры были, как правило, только казаки. Это создавало особые отношения и взаимоответственность между офицерами и рядовыми казаками, т. к. зачастую они близки были семьями. Нужно думать, что все это принималось во внимание создателями и руководителями именно Донского Кад. Корпуса.

Двадцать девять выпусков Донского Корпуса сыграли важную роль в истории последних лет Империи. Революционные события 1905 года принимали угрожающие размеры. Царь и правительство призвали именно казачьи полки для подавления мятежа и восстановления правопорядка. Ни казак, ни его собственный степной конь не готовились к такой службе. Казачьи полки и их командиры, не дрогнув, выполнили и эту задачу. И затем до конца 17 года кадровые казаки-офицеры дали выдающихся вождей.

Судьба Донского Кад. Корпуса была все года тесно связана с историческими событиями на Дону. Перед самым Рождеством 19-го года Корпус покинул родной Новочеркасск вместе с Донской Армией и был в полном составе эвакуирован в Еги-

пет. Выдержал все трудности и через три года снова возродился, теперь уже в Югославии. Но в 1933 году, т. е. через 50 лет со своего основания, Донской Корпус был окончательно закрыт.

И эвакуация, и восстановление корпуса стали возможными благодаря твердости кадет первого выпуска — ген. А. В. Черячукина, директора корпуса, и генерала А. П. Богаевского Войскового Атамана.

Кадетское — Верны заветам старины — пережило все испытания временем. Хранили их в стенах родного корпуса, в английских палатках на берегу Суэцкого канала, в заброшенных австрийских бараках Стрнище. Не только с честью хранили эти заветы, но и вкладывали в них веру в свободную, сильную своим страданием вечную Россию. Заветы старины — заветы чести и долга (ответственности каждого за всех), чувство гордости и вечной памяти героев за Веру, Царя и Отечество, и даже красный вензель на синем погоне — все это ценности, за которые наши братья не колеблясь умирали. А оставшиеся в живых несут почетный караул перед незримыми знаменами Казачьей Славы — обще-русского прошлого и будущего.

Прошло 50 лет, как простился с Корпусом последний кадет. Разбросанные по всем континентам донские кадеты едины в праздновании столетия родного корпуса. О нерушимости кадетской связи крепко говорил на встрече в американском городке Покипси один из самых молодых кадет Донского корпуса: «Большое счастье быть, жить и умереть кадетом и сознание, что ты кадет, помогало держать голову и сердце высоко». К этому ничего не прибавишь — «верны заветам старины» всегда с нами в песне донских юнкеров:

«Русь! Смотри какую силу казаки таят,
За Тебя сойти в могилу каждый будет рад.
Раздаются песен звуки храбрых казаков
Про великие заслуги дедов и отцов,
Про Азовское сиденье, вечную войну,
Про Сибири покоренье и тоску в плену».

Вот эта «тоска в плену» по родине, вера в правоту своего народа и что Господь не оставит Россию — остается путеводной звездой глубоко запавшей в душу всех кадет.

В. Улитин, 34 вып.

КАДЕТУ.

Посвящается Донскому Императора
Александра III Кадетскому Корпусу.

Здравствуй, мальчик мой, вихрастый, непокорный!
Долго не видались мы с тобой,
Сотни верст исколесив дорогой торной
По чужой, не русской мостовой.

Помню я тебя совсем еще мальчишкой —
Утреннюю раннюю росу —
Ты шагал тогда в суконной шинелишке
И с пятном чернильным на носу.

Год за годом шел обычной чередою...
Ты мужал, и, полный вешних сил,
Легкий пух над оттопыренной губою,
Как гусарский ус ты теребил.

Много было вас тогда в стране далекой,
Малышей с душой богатыря!
Вас в одно звено вязал девиз высокий:
За Россию, веру и царя.

Стены Корпуса, в Хабаровске, в Полтаве,
В Питере ль в Тифлисе ль, на Дону —
Говорили вам о старой русской славе,
И как чтить седую старину.

Как лелеять славных прадедов заветы,
Шелест ветхих боевых знамен,
Имя гордое — российские кадеты
И с сургучным вензелем погон.

А потом тебя встречал я в ночи черной,
Что страну покрыла пеленой...
Милый мальчик мой, вихрастый, непокорный,
Первым рвался ты в неравный бой.

В небе заревном пылающей Каховки
Вижу твой дрожащий силует —
Помню: с папиной «взаправдашней» винтовкой
Ты шагал, тогда в тринадцать лет.

И желая как-то скрыть фальцет высокий,
Ты нарочно басом говорил...

Как боялся ты тогда, что ненароком
С фронта к мамочке отправят в тыл!

В сапожищах ноги детские шагали,
И дорог на них ложилась пыль...
И Ростов и Перекоп тебя видали,
Степи Сальской укрывал ковыль...

О семье своей ты ведал понаслышке,
Или слабо помнил... До того ль?
И все в той же рваной шинелишке,
Ты шагал, тая печаль и боль.

Не твои ли это слышали мы стоны,
Твой недетский, леденящий крик?
Не тебе ль, дружок, кокарду и погоны
Вырезал в Ростове большевик?

Ты, кто Белое святое наше дело
Твердо нес на худеньких плечах,
Чье замерзшее искрюченное тело
Видел я в окопах и во рвах?

И сегодня в этой встрече нашей,
Мне тебя хотелось помянуть
Добрым словом и заздравной полной чашей,
Передать, что так теснило грудь.

И сказать тебе, мой мальчик беспокойный!
Сколько не видались мы с тобой,
Сотни верст исколесив дороги торной
По чужой, не русской мостовой!

Правда, помню я тебя совсем мальчишкой,
Да ведь сколько лет-то с той поры!
На тебе, ведь, нет уж черной шинелишки,
Серебром усыпаны вихры.

Лишь глаза твои, как встарь, горят задором,
И коль в эти загляну глаза —
На плечах опять почудятся погоны,
Юные услышу голоса...

Снова в прошлое мне приоткрыты двери,
Мы с тобой опять в краю родном,
И кадетское, как прежде, бьется сердце
Под обычным штатским сюртуком...

Н. Воробьев.

ДОНСКОМУ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТСКОМУ КОРПУСУ.

1883 - 1983

Донцы, кадеты! Немного нас ужс осталось, Донского Корпуса кадет. Гордились мы погоном синим, гордились вензелем Царя, клялись служить России верно и умереть за честь ее, за Тихий Дон с былою Славой, станицы, степи, хутора...

Нам корпус был семьею дружной, началом жизни войсковой, он был для нас отец родной. А в день Святого Николая — наш славный праздник корпусной, уж до зари спешат кадеты, в парадной формс разодеты, на правом фланге трубачи, чтоб атаман наш выпускной был встречен дружною семьей, и замирал железный строй... Потом мы пели песни дружно, — казачьей Славы времена, и мысли уносились безудержно туда, куда рвалась душа, и жажда подвигов чудесных казалась так реальна, так ясна...

Прошли года, когда войною
Пылал могущественный Дон,
Когда с нахлынувшей толпою
Врагов, за волю дрался он.
Тогда сыны его бросали
Семью родную и детей
И за отчизну умирали
Среди родных своих степей.

Прошли года... Развеяны по странам всего мира, как листья осенью сырой, — уже не собраться нам бывалой, кадетской дружною семьей.

А нынче мы празднуем год не простой, — ведь полько подумать, — этот год вековой! Пусть он не веселый, — нас жизнь научила с терпеньем нести, что дано нам суровой судьбой. Так пусть же припомнит каждый из нас, про себя, что Донец он, а не слово пустое, что взлелеяны все мы одною семьей, где учили нас чести и дружбе, и верности русским царям, а в песнях казачьих вспоминали мы Дон наш Седой. О, Корпус Донской! Тебя уже нет, и давно — уж пол века, но верностью к Дону горя, — не забудут тебя сыновья.

Пусть мало нас с годами не поникших, не примирившихся с судьбой, но глубоко на сердце затаивших, что срок еще придет, — займется Новая заря над Русскою равниной и

Дон вскипит тогда там грозными волнами... Не для себя должны мы жить: там далеко, среди просторов вольных, все тот же Тихий Дон, заснувший русский богатырь, объятый думою глубокой, — течет среди степей, где родилась казачья слава и где возник наш корпус вековой... И Дон, — спокойный, величавый, — он помнит верных сыновей; не мало их среди донских степей душистых и на просторах русских полегло, — за право жить свободно, за честь поруганных святынь, и за Царя, и за Отчизну, за крепких и не гнувшихся дедов. Там наши внуки молодые, для них храним мы наш девиз святой: верны заветам старины! Той старины, что деды завещали и кровью их освящены.

Им передать должны мы слово и наши бунчуки, чтоб помнили дедов суровых и на берегах Седого Дона былую правду вознесли.

Сто лет, как Корпус основался! Так вспомним мы за чарой скромной те годы юности своей, — то было время золотое, — оно ушло, как все уходит в этом мире, но есть нетленные дела, неугасимый вечный свет, та правда вековая, которой смерти нет, — в душе своей ту Правду носит русский человек.

Мы лишь одно звено до нашей новой смены. За них, за нашу смену, мы выпьем чару полную вина и запоем, как пели прежде:

Державной волей Александра
Воздвигнут мрачный монастырь,
Он обнесен большой решеткой
И плацем схожим на пустырь.

Но в нем не иноки святые
И не монахи в нем живут, —
Сей монастырь по всей России
Казачьим Корпусом зовут.

Припомним все, чтоб не забылось, и на скрижали занесем: все имена, кто чем прославлен, остался верным до конца Царю и вере Православной, Великой Родине своей, Казачеству степей привольных, простой и честной жизни всей.

Так в день юбилея, донские кадеты, скомандуем: Смирно! себе, и в перекличке безмолвной, в тихой молитве помянем ушедших, не доживших до этого дня. Поднимем и чашу вина, чтобы дал нам Господь еще жизни, дал нам сил и ума передать все заветы отчизны нашим будущим внукам родным,

когда будут стоять они снова в строю, чтобы нами гордились они и вечную память пропели, а Войску Донскому грянули дружно УРА!

В. Казимиров, 43 вып.

—

К СТОЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ ДОНСКОГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТСКОГО КОРПУСА.

1883 - 1983

(Краткий исторический очерк)

Казачество области Войска Донского не имело своего кадетского корпуса и офицеры определяли своих сыновей на прохождение наук и подготовку к военной службе в кадетские корпуса, находившиеся в городах европейской России. В Воронежском Великого Князя Михаила Павловича кадетском корпусе было много кадет казаков, т. к. этот корпус являлся ближайшим соседом Донской Области.

Многие видные деятели Донского казачества стремились к осуществлению желания создать кадетский корпус у себя на Дону. По инициативе Войскового Наказного атамана войска Донского Генерал-Адъютанта князя Н. И. Святополк-Мирского 2-го было передано ходатайство военному министру о необходимости открытия на Дону кадетского корпуса.

Государственный Совет. рассмотрев ходатайство, высказал свое мнение о необходимости открытия Донского кадетского корпуса в городе Новочеркасске и 15-го февраля 1883 года Император Александр III утвердил предложение Государственного Совета.

На выбранном на окраине города месте, в день рождения Наследника Цесаревича Николая Александровича, 6-го мая 1885 года была произведена закладка здания корпуса. Наказной атаман, после молебна заложил первый камень и следующую грамоту: «В царствование Императора Александра III при Августейшем Атамане Цесаревиче Николае Александровиче, Военном министре Генерал-адъютанте князе Святополк-Мирском 2-ом, Главном начальнике военно-учебных заведений Генерал-лейтенанте Махотине, Донской кадетский корпус учрежден 26-го февраля 1883 года и открыт 30-го августа 1883 года. Здание корпуса заложено 6-го мая 1885 года. Директор корпуса Генерал-майор Левачев, инспектор строительной части полковник Покотилов, строитель полковник Залесский».

В августе 1886 года была закончена постройка половины здания корпуса и питомцы — кадеты заняли ее. В 1887 году уже все здание было отстроено и с переходом в него, жизнь корпуса стала входить в установленный уклад жизни кадетских корпусов Российской Империи.

В Донском корпусе было 450 кадет распределенных на три сотни: в состав первой сотни входили классы старшего возраста, второй — среднего возраста и третьей — классы младшего возраста. Учебно-воспитательное дело было поставлено на достойную высоту. Кадетам прививалась любовь к Родине, преданность престолу, понятия о чести, чувстве долга, требования дисциплины и укреплялся дух товарищества.

7-го мая 1888 года Государь. Императрица Мария Феодоровна, Наследник Цесаревич Николай Александрович и Великий Князь Георгий Александрович посетили донской кадетский корпус. Осмотрев его, Государь Император остался очень доволен и, в лице директора корпуса, поблагодарил всех.

18-го февраля 1898 года Государь Император Николай Александрович повелел присвоить Донскому кадетскому корпусу наименование: «Донской Императора Александра III Кадетский Корпус».

14-го ноября 1903 года Донскому корпусу было пожаловано Государем Императором Николаем II знамя, а 6-го мая 1907 года Знамя было освящено и торжественно вручено директору корпуса Генерал-майору Лазареву-Станищеву. Великий Князь Константин Константинович поздравил корпус с этим исключительным событием телеграммой: «Искренне поздравляю славный Донской корпус с принятием Высочайше пожалованного знамени. Да послужит вручение святыни еще большему развитию в сынах Тихого Дона чувства любви и преданности Государю Императору и Родине. Константин».

Великий Князь Константин Константинович, будучи главным начальником военно-учебных заведений, неоднократно посещал корпус и его пребывание среди кадет и общение с ними производило незабываемое впечатление. Кадеты очень любили своего Августейшего Начальника.

30-го августа 1908 года исполнилось двадцатипятилетие со дня основания Донского Императора Александра III кадетского корпуса. Празднование юбилея произошло 6-го декабря в день храмового праздника корпуса и проведено было в торжественной обстановке.

Следующие четверть века внесли в жизнь корпуса трагиче-

ские потрясения, связанные с разразившейся над нашей Родиной революционной бурей. В 1917 году, 2/15 марта Государь Император Николай II подписал акт отречения и сложил с себя верховную власть.

Организовавшееся Временное правительство под председательством кн. Г. Е. Львова постановило переименовать кадетские корпуса в «Гимназии военного ведомства». Восстание большевиков, продолжающиеся беспорядки в городе, уход многих кадет из корпуса в формирующиеся отряды для борьбы с большевиками, — создало положение, принудившее закрыть корпус, а оставшихся кадет отправить по домам. После освобождения города Новочеркасска от большевиков, по распоряжению Войскового атамана генерала П. Н. Краснова, 4-го мая 1918 года корпус был восстановлен и ему возвращено название: «Донской Императора Александра III Кадетский Корпус».

На юге России шла с переменным успехом гражданская война и когда фронт приблизился к Новочеркасску, 22-го декабря 1919 года Донской корпус почти в полном составе покинул город. Походным порядком, преодолевая все трудности и лишения, после тяжелых и длительных переходов, корпус прибыл в Новороссийск. 22-го февраля 1920 года на пароходе «Саратов» англичане эвакуировали Донской Корпус в Египет, где он был размещен в лагере на берегу Суэцкого канала вблизи города Измаилия.

Отставших во время перехода корпуса из Новочеркасска в Новороссийск, заболевших и лежавших в госпитале кадет и служащих корпуса командир 2-ой сотни генерал-майор Рыковский (отставший по болезни), — собрал в одну группу и в первых числах марта 1920 года вывез в Крым. В городе Симферополе кадеты были помещены в небольшой вилле. После приказа Главнокомандующего генерала П. Н. Врангеля об отчислении из рядов армии всех учащихся, в Симферополь начали прибывать с фронта кадеты и помещение виллы становилось тесным. Летом корпус был переведен в город Евпаторию и размещен на берегу Черного моря в большом, трехэтажном особняке и, находившемся в саду, флигеле.

Вывезенные из Новороссийска отставшие кадеты, персонал Донского Корпуса и кадеты прибывшие из армии образовали отделение Донского кадетского корпуса, которое позже получило имя «Второй Донской Кадетский Корпус». К осени 1920 года в этом корпусе было до 120 кадет, около 20 питом-

цев в пансионе и 15 лиц воспитательского и педагогического персонала. Директором корпуса был генерал-майор Рыковский.

Русская армия истощенная непрерывными боями, не имевшая пополнения, не выдержав натиска красных полчищ, — с боями отходила к Перекопу.

29-го октября 1920 года, генерал барон Врангель- учитывая безнадежность положения армии, издал приказ об общей эвакуации. В Евпаторию пришли пароходы и стали на якорях на внешнем рейде.

2-го ноября 1920 года, рано утром, Второй Донской Кадетский Корпус погрузился на пароход, который на следующий день вышел в море, взяв курс на запад. Около месяца стояли в водах Босфора, где корпус перегрузили на пароход «Владимир».

8-го декабря 1920 года Второй Донской Кадетский Корпус прибыл на пароходе «Владимир» в бухту Адриатического моря Бакар, а 27-го декабря, после выдержанного срока карантина и прохождения формальностей корпус был перевезен товарным поездом на север Словении в лагерь Стрнище и размещен в двух деревянных бараках, не имевших никаких удобств даже для примитивной жизни. Во время войны 14-го года в этом лагере содержались военнопленные. Лагерь был расположен в долине и окружен лесами, вблизи проходила железная дорога.

В ноябре 1921 года Второй Донской кадетский корпус был переведен из Словении в Герцеговину и размещен в старой крепости на границе Черногории и Герцеговины, расположенной около маленького городка Билече, в невероятной глуши, в 30 километрах от железной дороги.

Кадетский корпус был разбит на три сотни и каждая сотня заняла отдельное двухэтажное каменное здание, бывшие казармы солдат гарнизона крепости. Постепенно жизнь корпуса налаживалась и входила в нормальную колею. Корпус получил права средних учебных заведений королевства. В основу устройства внутренней жизни корпуса и воспитания кадет были приняты принципы кадетских корпусов Императорской России. Королевство отпускало средства на содержание корпуса.

В 1922 году англичане расформировали находившийся в Египте Донской Императора Александра III кадетский корпус. Кадет младших классов перевезли в Турцию и определили в

английскую школу в Буюк-Дэрэ, расположенную в здании летней резиденции русского посольства; кадеты постарше уехали в русские гимназии в Чехию и Болгарию, а кадет шестого класса отправили в Атаманское казачье училище. Приказом Войскового Атамана генерала А. П. Богаевского Второму Донскому кадетскому корпусу было передано Державное шефство, вензель на погоны и наименование «Донской Императора Александра III кадетский корпус».

9-го декабря 1924 года, с разрешения Короля Александра I, прибыли из Шанхая в королевство С.Х.С. — Первый Сибирский Императора Александра I и Хабаровский кадетские корпуса. Сто двадцать прибывших кадет были определены в Донской Корпус.

Летом 1926 года корпус был переведен из Билече в Горажду — маленький городок в Боснии, расположенный на берегу реки Дрины. Корпусу был предоставлен бывший австро-венгерский военный лагерь, состоявший из зданий и бараков различного назначения, расположенных по обе стороны городских улиц. Семь лет продолжалась деятельность Донского Императора Александра III кадетского корпуса в этом уютном, маленьком захолустном городке, затерявшемся в горах Боснии.

В 1933 году, в год пятидесятилетия, Донской Императора Александра III кадетский корпус был расформирован и закрыт. Кадет перевели в Первый Русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус в городе Белая Церковь в Банате, — единственный, оставшийся в Королевстве Югославии кадетский корпус.

На чужбине, вдали от родных просторов Донских степей, от Тихого Дона православного, на пятидесятом году деятельности, — закончил свое существование Донской Императора Александра III кадетский корпус.

Ко дню девяностолетия основания корпуса, в 1974 году, кадеты-донцы издали книгу: «Донской Императора Александра III Кадетский Корпус», в которой на 590 страницах изложена история корпуса и занесены воспоминания кадет о проведенных в нем годах беспечного детства и юности.

Не в стенах родного корпуса суждено кадетам-донцам, волей злого рока, разбросанным по всем уголкам нашей планеты и дожившим до исторического события, — столетия открытия Донского корпуса в г. Новочеркасске, — отметить эту именитую дату, памятуя девиз нашего корпуса:

«ВЕРНЫ ЗАВЕТАМ СТАРИНЫ».

В Югославии Донской Императора Александра III кадетский корпус посетили в разное время следующие высокопоставленные лица:

Ее Имп. Величество Вдовствующая императрица Мария Федоровна;

Его Величество Александр Карагеоргиевич, Король Югославии;

Генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель, Главнокомандующий Русской Армией в Крыму;

Генерал-лейтенант А. П. Богаевский, Атаман Войска Донского.

В годы пребывания Донского Императора Александра III кадетского корпуса в Югославии (1920 по 1933) в нем училось 618 кадет. По окончании кадетского корпуса: 162 — закончили университеты в Югославии и других странах; 5 — приняли сан священника; 41 — окончили Югославское Военное Училище; 5 — Николаевское Кавалерийское Училище; 21 — Геодезические курсы; 1 — Академию художеств; 1 — музыкальную школу. **В. С. Данилов,** 35 вып.

ВТОРОЙ ДОНСКОЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС.

После отступления белых армий через Кавказ, многие военные части были перевезены в Крым. Но много и осталось на кавказском побережье на милость красных. С Дона казаки уезжали целыми станицами и, кое-как перебравшись в Крым, большею частью обосновывались в г. Евпатории. Туда же были перевезены не успевшие эвакуироваться с корпусом кадеты Донского Императора Александра III кадетского корпуса и воспитанники Донского Пансиона. Остатки Донского кадетского корпуса помещались на даче Терещенко. Кадеты помещались в здании дачи и спали на веранде, а Донской пансион расположился в саду, причем спали ребята между деревьями просто на песочке. Начальником Донского пансиона был полковник Фицхелауров, заведывавший этим пансионом и в Новочеркасске. Никаких занятий не было, просто полк. Фицхелауров собирал своих пансионеров в саду дачи и что-то рассказывал. Выдали форму: серые рубахи, серые брюки и парусиновые ботинки. Рубахи и брюки были из очень прочного материала, так что носили их еще и в Югославии. Кормили главным образом «бычками» и «шрапнелью». Конечно, этого было мало и кадеты были всегда голодные.

Директором корпуса был ген. Рыковский. Каждое утро полковник Какурин выводил сотню на берег моря, недалеко от дачи и кадеты должны были купаться.

В корпус все больше и больше прибывало кадет и начало уже холодать. Тогда кадет перевели в комнаты дачи и разделили по классам в спальни. Командиром сотни был полковник Какурин, а воспитателем нашего первого класса стал полковник Лукьянов. Появились преподаватели: Абрамцев, Чекомасов и др. У нас в первом классе сначала было девять человек. Начались строевые занятия и немного лучше стали кормить. Еще летом посетил корпус Донской Атаман ген. Богаевский. Нас всех выстроили на веранде дачи и Атаман сказал нам, что надо учиться и постараться не бегать на фронт, а быть в своем корпусе и вести себя, как полагается кадету. После этого нам выдали погоны, но без трафарета.

Осенью пошли слухи, что нас куда-то перевезут и стали пускать в отпуск тех, кто имел родителей в Евпатории. Начались занятия по классам. Учебников не было. Нам выдали тетради и карандаши и мы записывали, что нам говорили преподаватели.

Однажды нас всех собрали на веранде — мы уселись на полу, а перед нами на стуле сидел наш «дедушка» ген. Рыковский, который сообщил, что нам скоро выдадут полушубки, папахи, мешочек с продуктами и пойдем мы пешком в Севастополь для посадки на пароход. Все это было сказано так ласково, как будто отец говорил своим детям. На следующий день нас отпустили в отпуск на несколько дней, и по возвращении обнаружили, что несколько кадет не вернулись в корпус. Они, видимо, остались у родителей. Через некоторое время нас опять пустили в отпуск и, будучи дома, я вечером услышал сигнал тревоги из корпуса. Немедленно я побежал в корпус, а там уже выстроили всех по классам, затем повели в цейхгаус, где каждому выдали черную папаху, кусок мыла, кусок хлеба и небольшой мешок. Рано утром еще до света напоили чаем с хлебом и, как только рассвело, повели на пристань под охраной первой сотни, которая имела винтовки.

Пароходы не подходили к самой пристани и сначала мы грузились на большие баржи и с них уже перегружались на пароход «Добыча». Из нашего класса в сорок человек к погрузке прибыл только 21 кадет. На «Добыче» мы с большим трудом, без пищи и без воды, добрались до Константино-

поля, где нас перемещали с одного парохода на другой и в конце концов попали мы на «Владимир», на котором и прибыли в Югославию (С.Х.С.), сначала в Бакар, а потом в лагерь Стрнище. Здесь наш 2-ой Донской кадетский корпус развернулся в две сотни: 1 сотня в одном бараке и 2-ая — в другом. Нашим командиром второй сотни был войсковой старшина Папков, начавший нас приводить в порядок: завел строгую дисциплину, что не мешало ему очень заботиться о кадетах.

В Стрнище корпус посетил Донской Атаман генерал Богаевский и председатель Донского правительства Н. М. Мельников.

Летом в лагере Стрнище нас кое-как приодели и тогда наш класс в составе 21 кадета со своим воспитателем полк. Лукьяновым отправился пешком в город Птуй, где мы и снялись у фотографа. Из них окончили корпус только двенадцать человек в том же выпуске.

В лагере Стрнище мы сначала носили летнюю форму из Евпатории, а потом получили форму бывшего Мариборского австрийского корпуса, а еще позже солдатскую форму американской армии. Летом в лагерь Стрнище к нам прибыл новый директор корпуса генерального штаба генерал Бабкин, а наш «дедушка» генерал Рыковский, к большому нашему сожалению нас покинул.

Генерал Бабкин завел очень строгую дисциплину. Начались занятия на опушке леса. В 1921 году нас перевезли в город Билеча, где через некоторое время был назначен директором корпуса генерал Перрет. В 1922 году, приказом Донского Атамана наш 2-ой Донской кадетский корпус был переименован в «Донской Императора Александра III кадетский корпус».

Наш 39-ый выпуск был последним выпуском, где были кадеты поступившие в корпус еще в России.

О. Леонид Попов, 39 вып.

К СТОЛЕТИЮ С ОСНОВАНИЯ ДОНСКОГО КОРПУСА.

Судьбою мы рассеяны по свету
И в разных странах издавна живем,
Но вечно помним, старые кадеты,
О незабвенном корпусе своем.

И в ЭТИ дни и с радостью и с болью
Припомним благодарною душой,
Как век назад по Высочайшей воле
Основан был наш корпус дорогой.

Как осчастливил Александр III
Новочеркасск и весь привольный Дон.
И стали свято все казачьи дети
Хранить наш синий с вензелем погон.

....

Но налетели тучи грозовые
И погасили радость и тепло,
И горькое прощание с Россией
Могильным камнем на душу легло.

Потом пошли чужбинные дороги,
Босфора волны, синь чужих небес,
Пески пустынь, Египет...
И в итоге
Билеча, в Королевстве С.Х.С.

Затем Горажде... Улички кривые,
Суровость гор Боснийских на семь лет...
Но был наш корпус. В нем была Россия.
И горд и счастлив был Донской кадет.

Увы! покоя нет на этом свете:
Вновь налетел войны жестокий шквал...

....

Прошли года... Мы празднуем столетье
С тех пор, как царь наш корпус основал

И хоть давно покинули мы стены
Родного корпуса, как и родной страны,
Вовек Донцы не ведают измены:
«ВЕРНЫ ЗАВЕТАМ СТАРИНЫ».

1983 год. **Нонна Белавина.**

ПОСЛЕ БАЛА ВЕСЕЛОГО...

То был последний бал в просторном двусветном сборном зале Донского Императора Александра III кадетского корпуса. Давно это было — в 1919 году. Как и в прежние годы, наш традиционный бал давался в день корпусного праздника 6

декабря, когда Православная Церковь отмечает память Святителя Николая Чудотворца. А до революции это был и табельный день — тезоименитство Государя Императора Николая Второго.

Многое стерлось из памяти за долгие годы эмиграции. Но все же прекрасно помню, что в тот день я был одним из распорядителей бала. Стараниями кадет классные помещения были превращены в нарядные гостиные, с картинами на стенах; были устроены и киоски с прохладительными напитками. К балу готовились тщательно. Среди приглашенных были не только начальствующие лица Всевеликого Войска Донского, но и наши обычные гостьи — донские институтки и гимназистки. Пригласили мы и институток Смольного и Харьковского институтов, вынужденных покинуть захваченные большевиками Петроград и Харьков.

1919 год... Год надежд на скорое свержение большевицкого ига. Но стал он годом трагических разочарований, годом гибели всего, что тогда было особенно близко и дорого сердцу донского казака и русского человека.

В этот вечер 6 декабря в стенах корпуса веселье было безмятежным. Множество нарядной публики, заполнившей сборный зал и гостиные, гимназистки и институтки трех институтов, любезные хозяева-кадеты. Вполне понятно, что особое внимание кадеты уделили изгнанницам из Петрограда и Харькова, что, конечно, вызвало ревность наших донских. Эту ревность испытал и я на собственном опыте.

Веселились под звуки отличного духового оркестра. Кружились в вальсе пары, лихо отплясывали мазурку и старомодный па-д'еспань. Конечно, был и флирт. Даже больше: мой одноклассник и приятель Сережа Слюсарев молниеносно влюбился в прелестную харьковчанку. Что тут скажешь? Дело молодое, всем понятное, блажен, кто смолоду был молод. И эта первая встреча кончилась предложением руки и сердца, сделанного Сережей харьковчанке Е. Л.

Сережа был в числе тех, кто по зову сердца и долгу патриота пошел на фронт воевать против большевиков. В гражданскую войну немало кадет старших классов уходило на фронт с пользой для отечества проводить летние каникулы. Так и я провел лето 1918 года в рядах Партизанского пешего казачьего полка, впоследствии переименованного в Алексеевский пехотный полк. С этим полком я прошел по степям Ставрополья и Кубани во время Второго похода Добровольческой

армии. Кое-кто из кадет за отличие в боях был произведен в первый офицерский чин, среди них был Сережа Слюсарев. Летом 1919 года в боях на Московском направлении пали смертью храбрых мои одноклассники Михаил Золотухин и Борис Штубендорф. Были и другие, отдавшие жизнь в борьбе за Россию, к сожалению, имена их, Ты, Господи, веси.

Павшим в боях не пришлось веселиться на нашем последнем балу. И вот, отзвучали вальсы и мазурки, в вихре которых носились молодые пары, никак не предполагавшие, что над ними уже нависла грозная вражья сила — конная армия Буденного и множество красной пехоты. Быстрыми бросками двигались они к беззащитному Новочеркасску. Рождество Христово мы все, кадеты первой сотни, встретили в Задонье, отходя на Кубань. В яркий солнечный день нашего последнего Рождества в России сияли золотом купола Новочеркасского собора, одного из самых больших и красивых соборов России. Не думал я тогда, что вижу собор в последний раз.

Отступая по Кубани, мы дошли до станицы Павловской, где и расположились по квартирам у местных жителей. Уже на походе из Новочеркасска через станицы Аксайскую и Ольгинскую наша первая сотня была включена в Донскую армию, на нас была возложена тыловая служба. В конце января наш XXXI выпуск, около 70 человек, был переведен на младший курс Атаманского военного училища. Тут нас встретили однокашники XXX выпуска, радостно приветствовавшие «хвостатых». А 6-ой класс, 32 выпуск, отправился в Новороссийск на присоединение к младшим классам, уезжавшим к англичанам в Египет.

Конец января 1920 года. Свирепствует тиф, валятся с ног один за другим юнкера. Заболел и я. На фронте вновь крупные неудачи, возобновляется отступление. В морозный день нас, больных и по большей части находившихся в бессознательном состоянии, погрузили на станции Сосыка в теплушки и отправили в Екатеринодар кружным путем через Староминскую и Тимашевскую.

В екатеринодарском запасном госпитале № 4 ВСЮР я лежал в огромной палате для тифозных больных. Едва стал поправляться, как заболел другим тифом — возвратным.

Первые дни марта 1920 года. Красные подступают к столице Кубани. И опять эвакуация. В вагонах санитарной летучки на всех полках, в том числе и на багажных, расположились больные юнкера, среди них многие кадеты 30-го и 31-го вы-

пусков. Страдали от последствий тифа, питались чем Бог послал. Медленно тащилась санлетучка, умудрившаяся проделать за три дня путь, обычно проходный пассажирским поездом за четыре часа. Наконец, прибыли в Новороссийск и перебрались из санлетучки в вагоны-теплушки, стоявшие в одном из железнодорожных парков товарной станции.

Настали дни новороссийской катастрофы. Утром 13 марта по-весеннему приветливо и ласково светило солнце. А где-то недалеко ухали пушки — красные подходили к Тоннельной. С трудом взобравшись на крышу вагона, я был поражен открывшимся передо мною зрелищем. По обе стороны железнодорожного парка змеились колонны отступавших белых полков. Их было так много, что у меня невольно возник вопрос: неужели с таким количеством закаленных в боях воинов нельзя организовать крепкую оборону Новороссийска? Сразу пришел к заключению, что пора и нам, больным и, может быть, забытым, собираться и уходить в порт на погрузку. К счастью, мы не были забыты. Начальник училища, генерал Семенченков, послал, в сопровождении казака, старшего портупей-юнкера Н. Ф. Кострюкова, обрадовавшего нас вестью о том, что нас ждут на пароходе. Стали быстро собираться в трудный для слабосильных пятиверстный переход.. Тех же, кто из-за слабости не мог двигаться самостоятельно, предполагали перевезти на подводах. Увы, подвод не оказалось, и свыше тридцати юнкеров осталось в санлетучке, все они попали в руки красных.

Среди тяжело больных был и Сережа Слюсарев. Сквозь полузабытье он все же сообразил, что нужно уходить. Он едва выбрался из теплушки, но идти не смог. Тогда его усадили на лошадь Н. Ф. Кострюкова и поддерживали с двух сторон, чтобы он не свалился на землю. Так он с нами добрался до Восточного мола. В этот момент перегруженный людьми пароход «Россия» отчаливал от мола. Помнится, что Н. Ф. Кострюков успел погрузить Сережу на пароход, а мы остались на молу в ожидании чуда. Закутавшись в одеяла, разбросанные по молу из разграбленных отступавшими частями складов, мы, примерно двадцать юнкеров, задремали, предварительно насмотревшись на гигантские пожары, взметнувшиеся к ночному небу над складами Новороссийска.

Чудо все же свершилось! Кто-то надоумил англичан, и ночью к молу, как раз против нас, пришвартовался их миноносец. Словно бревна, нас перебрасывали на палубу мино-

носца сильные руки английских моряков. Спасены!

Утром в открытом море англичане перегрузили нас на пустой угольщик «Доланд», видимо с опозданием шедший в Новороссийск, уже занятый красными. Черные от угольной пыли, через несколько часов мы приплыли в Феодосию, где нас встретили офицеры и юнкера нашего Атаманского училища.

А затем — славные дни Крыма под водительством генерала П. Н. Врангеля. Бои под Каховкой. Служба по охране тыла от зеленых в горах Крыма. Краткий период нормальных занятий в Севастополе в казармах Брестского пехотного полка. Последний поход училища на фронт после захвата красными Северной Таврии. Занимая участок фронта по Сивашу между Сальковским и Перекопским перешейками, мы слышали гул канонады на обоих наших флангах и готовились к последней схватке. Но для нас она не состоялась. Пришел приказ форсированным маршем уходить в Джанкой и следовать дальше поездом в Севастополь. Вместе с Сергиевским артиллерийским училищем мы охраняли Севастополь во время посадки на пароходы отступивших от Перекопа войсковых частей. Последний парад на Нахимовской площади, принятый генералом Врангелем.

Лемнос. Палатки и пронизывающая сырость греческой зимы. Скудный французский паек. Унылое настроение, тоска по покинутой России. И зов французских сирен — поступайте в Иностранный Легион. Среди уговаривавших — бывший преподаватель французского языка в корпусе, Феликс Павлович Шмидт, офицер французской армии. К сожалению, зов сирен не остался гласом вопиющего в пустыне. Несмотря на наши уговоры, несколько юнкеров, в том числе и воспитанников XXX и XXXI выпусков, поступило на службу в Легион. Среди них был и Сережа Слюсарев. Что с ним сталось потом, в точности не знаю. Были только вести, что он, как и Володя Вологурин, пал смертью храбрых в боях с друзами в Сирии. Вероятно, с ними пали и другие. Царство им Небесное и вечная слава!

Б. Прянишников, 31 вып. Д.К.К.

—

ФОРМА ОДЕЖДЫ КАДЕТ ДОНСКОГО КОРПУСА.

Прежде всего должен оговориться, что речь здесь будет идти о форме одежды в дореволюционное время, ибо в промежуточный и заграничный периоды форма не поддается

никакому описанию.

Нижепомещаемое описание формы «старого доброго времени» написано по моим воспоминаниям.

Парадная форма: Мундир темно синего сукна, застегивавшийся внутренними крючками. Красные канты по воротнику и обшлагам рукавов. Такие же и погоны, с красным кантом и красным вензелем на них А III.
Прибор серебряный, т. е. галуны мундира на воротнике и рукавах, нашивки вице-вахмистра и вицеурядников, как и пуговицы на погонах и шинелях. Бляхи обще кадетских поясных ремней — серебряные с гербом Военно-учебных заведений — орел, окруженный сиянием.

Брюки — серо-синего сукна с красными лампасами, носившимися навыпуск, прикрывая короткие рыжие голенища сапог.

На мундир надевался светло-синий матерчатый кушак. Летом мундир заменялся парусиновой рубахой с погонами и серебряными пуговицами, вставлявшимися ушком в отверстие и закреплявшимися изнутри кольцами.

Поверх рубахи надевался тот же светло-синий кушак. Парадные мундиры шились по мерке в начале учебного года.

Фуражки с темно-синей тульей, с красным околышем и красным кантом, черным козырьком и солдатской кокардой. В летние месяцы — легкий каркас, покрытый белым чехлом, закрывавшим и козырек.

Шинели — черные, обще-кадетского образца, с шестью серебряными пуговицами. На воротнике — две красные петлицы. Сзади на высоте пояса на двух пуговицах хлястик. Зимой кушак надевался поверх шинели, заправляясь за клапан.

Башлык верблюжей шерсти носился зимой, лежа своим треугольником на спине, гладко заправленный под воротник, концы его пропускались под погоны и, перекрещиваясь на груди, заправлялись под кушак.

Весной и осенью шинель носилась в накидку, лежа на плечах, хлястик с правой стороны отстегнутый. Кушак одевался на рубаху.

Вседневная форма: Парусиновая рубаха с погонами, серо-синие брюки без лампас, или же парусиновые же брюки, надевавшиеся всегда на уроки гимнастики. Были еще мундиры-бушлаты, старого образца, в которых ходили на прогулки, и еще одни, ловко пригнанные, как парадные, — их надевали на уроки танцев, бывших еженедельно.

Брюки третьего срока и старого образца, почти черного цвета; их надевали, отправляясь на экскурсию за город, где занимались глазомером — определением расстояний и рассыпным строем. Такие же брюки надевали кадеты 7-го класса, заправляя их в высокие сапоги, отправляясь на верховую езду.

Помимо парадного кушака, ежедневно носили узкий кавказский черный поясок с металической головкой и наконечником, для его застегивания.

Обще-кадетские лакированные ремни с бляхой (серебряной) носили только должностные лица: дежурные по классу, сотне и кухне). Дежурный 1-ой сотни был еще и при шашке, патронташе и в фуражке.

Незадолго до войны 1914-17 г.г. в 1-ой сотне была введена и новая аммуниция светло-желтой кожи, т. е. шашечные портупеи, темляки, патронташи, винтовочные ремни; такие же и пояса, но не с пряжкой а с кадетской бляхой, серебряной, уменьшенного размера по ширине ремня. Надевалась эта аммуниция только на парады и просуществовала не долго, и с началом войны пошла, как и винтовки, — на нужды армии.

Винтовки стояли смазанные ружейным салом и никто их не чистил, т. к. из них не стреляли, а стреляли из мелкокалиберных ружей дробинками.

О погоне: до 18-го февраля 1898 года был синий погон с красным кантом и таким же шифром Д. К. После же 1898 года — погон был с вензелем Александра III.

В начале 1918 года Новочеркасск был занят красными и освобожден только в апреле. Занятия в корпусе возобновились, но обнаружилось, что цейхгаузы корпуса были разграблены и все обмундирование расхищено. Кадетам выдали новое: защитного цвета рубахи со старыми нашими погонами; такого же цвета брюки и фуражки с кокардой, желтые высокие сапоги, т. ч. брюки заправлялись в них. Серые солдатские шинели с погонами защитного цвета, но все же с красным вензелем на них.

Были, правда, и «парадные» брюки из материи вроде синего коленкора и с такими же красными лампасами.

Владимир Поляков, 30 вып. Д.К.К.

СТАРШИНСТВО КАЗАЧЬИХ ВОЙСК И ВОЕННАЯ СИЛА.

Первое упоминание о казаках, обитавших по Червленному Яру, имеется в русской летописи от 1444 года о набеге Ордынского царевича Мустафы на Переяславль — Рязанский.

1. **Донское Войско.** Официальное старшинство с 1570 года, января 3-го, — дата грамоты царя Иоанна Грозного к казакам жившим на Северном Донце. Но летопись упоминает о донских казаках уже в 1549 году: жалоба ногайского князя Юсуфа к царю Иоанну на казаков не дающим ногайцам «воду из Дона пить».

Донское войско выставляло 2 гвардейских полка, 1 гвардейскую батарею, 17 конных полков, 7 батарей, 6 отдельных сотен и 10 местных команд.

2. **Кубанское Войско.** Официальное старшинство с 1696 года, по старшинству Хоперского полка, основанного из Хоперских казаков, участвовавших в походе на Азов в 1696 г. Но поселенные на Тамани запорожцы (черноморцы) ведут свое начало из Запорожской Сечи, основанной в 1556 году.

Кубанское войско выставляло 2 гвардейских сотни (конвой Е. В.), 11 конных полков, 1 кон. дивизию, 5 батарей, 7 отдельных сотен, 4 местных команды и 6 пластунских батальонов.

3. **Терское Войско.** Официальное старшинство с 1577 года, когда астраханским воеводою Новосильцевым был основан город Терка. Но есть предание, что в 1520 году часть казаков живших на Червленом Яре, спустилась по Волге в Хвалынское (Каспийское) море и высадилась в устье Терека, причем казаки эти разделились на две общины: поселившиеся на бергах Терека стали называться «терскими», а поселившиеся ближе к отрогам гор стали называться «гребенскими».

Войско выставляло 2 гвардейских сотни (конвой Е. В.), 4 конных полка, 2 батареи, 4 отдельных сотни и 2 местных команды.

4. **Астраханское Войско.** Официальное старшинство с 1750 года марта 28-го, когда Астраханская казачья команда переформирована в Астраханский конный полк. Астраханская же казачья команда ведет свое начало с 1552 года — покорения Астрахани.

Войско выставляло 1 гвардейский взвод и 1 конный полк.

5. **Уральское (Яицкое) Войско.** Официальное старшинство с 1591 года июля 9, с первого упоминания о службе яицких

казаков Московскому государству в наказе, данном царем Федором Иоанновичем астраханским воеводам. Но уже в 1577 году часть казаков во главе с атаманом Нечаем появилась на берегах Яика (Урала).

Войско выставляло 1 гвардейскую сотню, 3 конных полка и 2 местных команд (Войско после Пугачевского бунта было лишено артиллерии, которая была восстановлена только во время войны 1914-17 г.г.).

6. **Оренбургское Войско.** Официальное старшинство не установлено. В 1736 году февраля 11-го, в новоустроенных городах Оренбурге и Тобынске учреждены казаки из уральских новокрещенцев — мещеряков, отставных солдат и охотников из яицких и сибирских казаков.

Войско выставляло 1 гвардейскую сотню, 6 конных полков, 1 конный дивизион, 3 батареи и 3 местных команды.

7. **Сибирское Войско.** Официальное старшинство с 1582 г. декабря 6-го, когда посланный Ермаком атаман Иван Кольцо с товарищами поклонился Иоанну Грозному царством Сибирским.

Войско выставляло 1 гвардейскую сотню, 3 конных полка, 1 отдельную сотню и 3 местных команды.

8. **Семиреченское Войско.** Старшинство одинаковое с Сибирским. Фактическое существование войска началось с 1867 года июля 14-го, когда 9-4 и 10-й Сибирские казачьи полки были выделены в особое Семиреченскос казачье войско.

Войско выставляло 1 гвардейский взвод и 1 конный полк.

9. **Забайкальское Войско.** Официальное старшинство не установлено. В 1851 году марта 17-го образовано Забайкальское казачье войско, в состав которого вошли пограничные казаки (ведущие начало с 1772 года) и бурятские полки (тоже с 1772 года).

Войско выставляло 1 гвардейский взвод, 4 конных полка и две батареи.

10. **Амурское Войско.** Официальное старшинство не установлено. В 1856 году ноября 1-го, решено было выселить на Амурскую линию часть забайкальского войска, а в 1858 году декабря 8-го последовал указ об образовании Амурского казачьего войска.

Войско выставляло 1 гвардейский взвод и 1 конный полк.

11. **Уссурийское Войско.** Официальное старшинство не установлено. В 1860 году июня 1-го, на основании нового положения об Амурском войске, сформирован Уссурийский ка-

зачий пеший батальон, переименованный в 1886 году июня 26-го в Уссурийское казачье войско.

Войско выставляло 1 гвардейский взвод и 1 конный дивизион.

12. **Енисейское Войско.** Казачье население Иркутской и Енисейской губерний. Официальное старшинство не установлено . В 1725 году сибирским губернатором князем Долгоруким составлено первое расписание «сибирских служилых людей», в числе их — восьми тысячам казаков. В 1822 году утвержден устав о сибирских городовых казаках, включавших в себя Иркутский и Енисейские конные полки.

Войско выставляло 1 гвардейский взвод и 2 конных дивизиона.

Данные цифры относятся к началу войны 1914 года. Во время войны эта сила утраивалась, что составляло весьма внушительную казачью армию около пятидесяти дивизий.

Казаки носившие лампасы: красные — донцы и сибирцы; малиновые — уральцы и семиреченцы; голубые — оренбуржцы; желтые — астраханцы, забайкальцы, амурцы, уссурийцы и енисейцы. У кубанцев были красные бешметы, а у терцев — голубые.

Казак выходил на службу, с собственным конем, седлом с полным вьюком и переметными сумами, обмундированием до белья включительно и холодным оружием. Винтовку он получал от Войска (с надписью — каз.).

(Выписка из «Вестника Казачьего Союза», за 1948 год).

ГОРДЫЙ АЛЬБИОН.

В годы кадетской жизни в Донском корпусе мне привелось услышать один рассказ из времен царствования Императора Александра III, которым мне захотелось поделиться с читателями. Как наш однокашник Владимир Григорьевич Улитин писал однажды о своем деде: «Едем мы с дедушкой вдвоем с поля на быках, пахали целый день, лежим на сене и смотрим в ночное небо. И слышу дедушка говорит: «Помни, Володей, не хорошо казаку умирать в своей постели».

В этих словах, коротких и простых, — обрисовывается вся натура истинного казака, как теперь сказали бы, — вся его

психология, так и в слышанном мною рассказе встает во весь рост мощная фигура Царя-Миротворца.

В мирное время казаки несли свою службу по различным постам бесконечной границы российского государства. И во многих местах южной азиатской границы служба эта была далеко не мирной. Надо было зорко следить, чтобы на русскую сторону не проникали различные банды, с целью контрабанды или, совершая набеги на пограничные поселения. Эти набеги зачастую бывали организованы посторонними правительствами, преследовавшими свои, совершенно другие цели. Инцидент произошел, примерно, в тех краях, где в наши дни сейчас происходят события, не дающие покоя западному миру.

Во время одной из «операций» пограничным казачьим отрядом была захвачена такая банда, среди которой оказались два британских офицера, чувствовавших себя, может быть, не совсем приятно, но державшихся с невозмутимым достоинством. Казачий офицер не имел никакого сомнения в том, как ему следует поступить с бандой, но в отношении британских офицеров он был в большом недоумении: все же, это были сыны гордого Альбиона, как бы чего не вышло. Снестись по начальству было невозможно по тем временам и расстояниям. Не хотелось, надо полагать, ему попадать в международные осложнения. Пришлось решать это дело самому и он приказал их выпороть и отправить обратно, откуда пришли. Сам же послал донесение своему начальству о происшедшем на вверенном ему участке границы. Выпоротые сыны Альбиона также донесли в Лондон о происшедшем с ними неделикатном обращении «диких казаков».

Полетела нота протеста в Петербург с требованием строгого наказания русского офицера, позволившего себе такое «неджентльменское обращение» с британскими офицерами.

Александр III ответил телеграммой на имя казачьего офицера: Поздравляю Вас полковником, — а если бы повесили, — были бы генералом».

Международный инцидент был полностью исчерпан, — каждому было ясно, что Александр III шутить не будет и своих людей в обиду не даст.

Честность, справедливость и твердость Александра III получила достойную оценку.

В. К.

УГОЛОК КАЗАЧЬЕЙ ПОЭЗИИ.

В память баяна казачьей песни, Николая Туроверова, мы воспроизводим ниже написанную им песню былину о Запорожском атамане Сирко, который оставил казакам такое завещание: «Як помру, отрижьте мою руку, то буде вам защита. Сирко». Туроверов Николай окончил Донской Корпус в 1916 году (XXVII вып.).

СИРКО

По над Сечью, по над Запорожьем,
Точно лебедь, ангел пролетал, —
Он искал Сирко на свете Божьем,
Атамана мертвого искал.
С давних пор его похоронили
Отрубивши руку, казаки —
Триста лет уже лежит в могиле
Запорожский батько без руки.
А с его отрубленной рукою
Казаки идут из боя в бой,
Дорожат, как силою живою,
Трехсотлетней высохшей рукой.
Райских врат Сирку земля дороже
И лежать ему под ней легко;
Мертвецы на суд уходят Божий,
Не является один Сирко.
Бог все ждал, терпенье расточая,
Но апостол Петр уже не ждал.
И, тайком от Господа, из рая
Он на поиск ангела посла.
Пролетел тот ангел над Полтавой,
За Днепром свернул на Рог-Кривой, —
Видит — все казачество за славой
Собралось на беспощадный бой.
В поднебесьи слышится их пенье —
Песня подголоска высока —
Все на смерть идут без сожаленья,
Впереди них — мертвая рука!
Где им тут до ангельской заботы:
От родных домов одна зола!
В чистом небе реют самолеты,
Над землей — пороховая мгла.

Ангел сразу повернул на ветер,
К чортомлыку быстро долетел,
На погосте при вечернем свете,
У кургана отдохнуть присел.
Вдруг, глядит, — курган могильный дышит,
Колыхается высокая трава
И, ушам своим не веря, слышит
Из кургана громкие слова:
«Вижу я все горести и муки
От врагов в моем родном краю;
Нужен ли я Господу — безрукий
Богомолец — в праведном раю?
Как смогу я там перекреститься,
Если нет давно моей руки,
Если с ней уже привыкли биться,
Не боясь смерти, казаки.
Сколько к Богу их уйдет сегодня,
Целыми полками на конях!
Я ж прошу лишь милости Господней:
Полежать подольше мне в степях».
Взвился ангел. По дороге к раю
Над Украйной пролетает вновь,
Среди звезд вечерних обгоняя
Души убиенных казаков.
Путь далек. Увидел ангел снова
Божьи врата только поутру;
Что слыхал, — от слова и до слова, —
Передал апостолу Петру.
Петр видал и не такие виды,
Ключарем не даром послужил;
Накануне общей панихиды
О Сирке он Богу доложил.
Бог в ответ слегка развел руками,
Приказал еще зажечь свечей:
«Что ты будешь делать с казаками,
С непокорной вольницей Моей!»

СЕРЬГА.

Был мальчиком. И тетка, старуха,
Казачей гордясь стариной,
Проколола мне левое ухо
Тьмутараканской серьгой,

Рассказав о серьге Святослава,
Про Саркелы — хазарскую быль —
Что лежат по-над Доном направо,
Где теперь лишь полынь да ковыль.
Не такая ль попала к татарам,
От татар перешла к казаку
И досталась ахтырским гусарам,
Да второму Донскому полку, —
Полумесяц с крестом, — золотая, —
Начинал уже к ней привыкать;
Но смеялись вокруг: Николая
Будем замуж с серьгой выдавать!
Ах, как часто смеялись над многим,
Не хотели ничем дорожить,
Чтоб потом, у проезжей дороги,
Христа ради, из милости жить.
С каждым годом труднее, скуднее...
Но забыть ничего не могу:
До сих пор еще горько жалею,
Что не долго носил я серьгу.

Николай Туроверов.

КАЗАК

стихотворение А. Н. Майкова, 1869 г.

Самобытное созданье
Русской вольной старины,
Земли, царства покорявший
За царя родной страны,
Ты откуда путь свой держишь?
Пролетел, припав к луке,
На худом, но на бедовом,
На степном своем коньке?
От студеной ли Торнеи,
Где всю зиму солнца нет,
Где поглядывал ты зорко,
Как ведет себя там швед?
Иль от Немана и Вислы, —
Чай, поведаешь, что там
Все пока благополучно,
Но дремать не надо нам?
Иль от Черного ты моря

Где, разъезд держа, свой взгляд
Устремлял не раз ты жадно,
Через море, на Царьград?
От Востока ль, где народы
На тебя, богатыря,
Как на вестника взирали
Воли Белого Царя,
Ты летишь сказать, что новый
О подданстве просит край?
Что с казацкого пикета
Был уже виден Гималай?
Иль уж годы отслужил ты,
И на родину твой путь?..
То-то встреча будет, спросы,
Не дадут и отдохнуть!
Там в кругу своих засядешь,
В долгу ночь у огонька,
Как и пращур твой, быть может,
Друг-сподвижник Ермака:
Тот же духом, тот же верой,
Новизнами не смущен,
Ведь каким ушел ты с Дона,
И прийдешь на Тихий Дон!
И тебя, тесняся, будут
Слушать детки до зари,
И потом такие ж выйдут,
Как и ты — богатыри!

А. Н. Майков, 1869 г.

БИЛЕЧА.

Памяти певца Казачей Славы Михаила Николаевича Залесского мы помещаем его короткое, но выразительное описание г. Билеча:

Мне часто ночами снится
Серых гор и туманов встреча:
Черногорская граница —
Угол Богом забытый — Билеча.
Невеселое новоселье:
Козьи в горах тропинки,
Бьется в утесах ущелья
Пена холодной Требинки...
Казармы, — пустые массивы —
Старины минувшей тени.

Мечется ветер визгливый
В ржавых шипах заграждений...
А на камнях косогора,
В тени минарета вышки,
Кучками белого сора,
Двух улиц жмутся домишки.
В них — освященный веками
Пограничья суровый быт.
Не зря всех заборов камень
Следы многих пуль хранит.
Зимою — дожди и туманы.
Летом — томящая сушь...
Ну ж, уголочек поганый!
Воистину — центроглушь!

М. Залесский, 37 вып.

ПЕСНИ В ЖИЗНИ КАДЕТ.

Насколько мне известно, нигде еще не затрагивалась тема песен в среде кадет Донского корпуса, да и, вообще, в русских кадетских корпусах. Тем не менее, тема эта, мне кажется очень значительна и представляет большой интерес. Прежде всего, песня является огромным духовным наслаждением для человека, а для русского в особенности. Если весь итальянский народ поет, как говорят, везде и постоянно, то в отличие от русского пения, там пение я бы назвал, индивидуальное, в то время, как у нас особенно развито пение хоровое. Русский человек поет при всех обстоятельствах жизни: хороших и плохих, радостных и горестных, в счастьи и несчастьи. А, так как в жизни вообще гораздо больше неприятностей, чем удовольствий, то и поем-то мы, по большей части, песни грустные, наводящие тоску, однако, и облегчающие душу. Пушкин сказал, что «от ямщика до первого поэта мы все поем уныло».

Кадеты в Донском корпусе в этом отношении не составляли исключения. Помимо исторических песен, сложившихся в сравнительно давние времена и всем более или менее известных, а также бытовых, отражающих разные моменты жизни и быта, как отдельного человека, так и всего народа данной области, мы, окончившие корпуса заграницей, уже после всех «великих потрясений», были под влиянием целого эпоса песен периода Белой Борьбы.

Я не знаю, как обстояло дело с пением в кадетском быту до революции, но надеюсь, что еще кто-нибудь, из помнящих те времена, — расскажет нам о тематике тогдашнего пения. Конечно, для кадет Донского корпуса не малую часть «репертуара» сотавляли песни казачьи, отличающиеся своей особенной колоритностью, удалью, быстро сменяющимися переходами от веселья к грустным мотивам. В большинстве своем песни эти отличались особенной красотой с участием запевал. Среди казачьих голосов запевал, поющих фальцетом, особенно много, что производит какое-то исключительное впечатление. В нашем Донском корпусе мы любили петь в свободное время: в зимнее время — столпившись вокруг натопленной печки в спальне, перед вечерней укладкой; летом — на прогулках, в дружной компании из нескольких человек, — по окружающим корпус безлюдным горам и лесам. Пели и вокруг костра, разведенного на берегу реки, в ожидании, когда сварятся тут же наловленные раки. «Драли горло» и в одиночку, в «походах» к старым австрийским фортам по горам, окружавшим Богом забытую Билечу. Пребывание в новой обстановке создавало новые песни неизвестных авторов, отображавших эту обстановку и переплетавшихся с тоской по Родине, по далекому, но не забываемому Дону.

МНОГО ЛЕТ ВОЙСКУ ДОНСКОМУ.

Много лет войску Донскому,
Много лет нашим донцам.
Войсковому Атаману,
Всем станицам и полкам!
За Царя и за Россию
Грудью бьются казаки,
С гиком бьют на басурмана,
Лавой топчут их полки!
Наши сотни, наши пики
Страшны, памятны врагам. —

Мы с казачьим нашим гиком
Бьем нещадно басурман!
Только враг зашевелится —
Наш казак уж на коне,
Рубит, колет, веселится
В неприятельской стране.
Много лет войску Донскому,
Много лет нашим донцам.
Войсковому Атаману,
Всем станицам и полкам!

Одной из любимых у нас казачьих песен была песня — «По дорожке пыль клубится». Песня эта несомненно сложилась в те времена, когда еще существовало «дикое поле» и крымское ханство, и донское казачество предпочитало самому совершать удалые набеги, чем ждать непрошенных гостей к себе. Песня эта бытует, с незначительными вариациями во многих казачьих областях, что вполне понятно, ибо дон-

ское казачество было родоначальником многих других казачьих войск: с Ермаком казаки занесли свои старые песни в Сибирь, с Дежневым донесли их и до Тихого океана.

Песня эта была песней Сунженского полка Терского казачьего войска. Полком командовал Кавказский герой генерал Н. П. Слепцов, убитый при штурме Гехинского укрепления в 1851 году.

Вот, как эта песня пелась у нас:

Запевала

По дорожке пыль клубится,
Слышны выстрелы порой, —

Хор

Той с набега, ой-да удалого,
Едут все донцы домой.

Запевала

Все казаки веселятся,
С поля едучи домой, —

Хор

Лишь один, ой-да казак не весел,
Смотрит круглой сиротой.

Запевала

Что ты буйную повесил,
Бесшабашный удалец,

Хор

Аль на самом, самом деле
Позабыл, что ты донец?

Запевала

Вот они уж близ станицы,
Едут, свищут и поют...

Хор

Бабы, старцы, о-да и девицы,
Все навстречу к ним идут.

Запевала

Градом сыплются вопросы
Из толпы со всех сторон:

Хор

Жив ли, жив ли мой сыночек
Жив ли братец, где же он?

Казак с большим уважением относился всегда к своим родным отцу и матери и вообще ко всем старшим. Без родительского благословения он не предпринимал никаких важных решений в своей жизни. Он мог быть сиротой, как тот казак, что в песне «По дорожке пыль клубится», — был один не весел, ибо он знал, что его некому встречать; он мог быть и беден, но он должен был быть храбрым и достойным казаком.

В песнях горела казачья душа. По разному звучат они в разных краях. Радость подвига, победы, — рождали лихую песню. Привольные степи Дона или Кубани порождали широкую спокойную песню. Там, по склонам, по крутым берегам покрытым виноградниками, где осенью льется вино, где светит яркое солнце, — там не смолкают веселые хороводы и лихая пляска, там красивы и горды девушки, жарки их поцелуи, смела их поступь. Родится песня и там, где сурова и долга зима, где лютые степные бураны, долги темные зимние ночи, — где сердце жалуется на тяжелую борьбу с природой.

Запевает песню казак и от лютой тоски расставанья с родными и близкими, от жизни в чужой, далекой стороне, как бы перекидываясь этой песней с теми, кто остался в родном краю и также тоскует по нем:

Поехал казак на чужбину далеку
На верном коне он своем вороном,
Свою он краину навеки покинул, —
Ему не вернуться в отеческий дом.

Напрасно казачка, жена молодая,
Все утро и вечер на север глядит:
Все ждет поджидает с далекого края,
Когда ее милый казак-душка прилетит...

А там за горами, где вьются метели,
Где страшны морозы зимою трещат,
Где сдвинулись дружно и сосны и ели, —
Там кости казачьи под снегом лежат.

Казак, умирая, просил и молил
Насыпать курганчик ему в головах
И пусть на кургане залетная пташка
Порой прощебечет про жизнь казака.

Любили мы в Донском корпусе и часто пели кубанскую

песню: «Ты Кубань, ты наша Родина». Слова этой песни написаны полковым священником 1-го кубанского казачьего полка, — о. Константином Образцовым во время Великой войны, в Закавказьи. Песня эта стала очень популярной и превратилась в Кубанский гимн во время гражданской войны.

Ты, Кубань, ты наша родина,
Вековой наш богатырь,
Многоводная, раздольная
Разлилась ты вдаль и в ширь.
Из далеких стран полуденных,
Из турецкой стороны,
Бьем тебе челом, родимая,
Твои верные сыны.
О тебе здесь вспоминаючи,
Дружно песни мы споем
Про твои станицы вольные,
Про родной отцовский дом.
О тебе здесь вспоминаючи,
Как о матери родной,
На врага, на басурманина,
Мы идем на смертный бой.
О тебе здесь вспоминаючи,
За тебя-ль не постоять,
За твою ли славу старую
Жизнь свою ли не отдать?
Мы, как дань свою покорную
От прославленных знамен,
Шлем тебе, Кубань, родимая
До сырой земли поклон.

Большим событием было для молодого казака уходить на военную службу. В этом принимала участие вся семья, бережно снаряжая казака всем, что ему полагалось в таком случае. Затем, все шли в церковь, где служился напутственный молебен. Замечательны слова наставления отца своему сыну, как должно последнему себя вести и служить. Об этом рассказывает нам песня:

КОНЬ БОЕВОЙ С ПОХОДНЫМ ВЬЮКОМ.

Конь боевой с походным вьюком
У церкви ржет, кого-то ждет;

В ограде бабка плачет с внуком,
Молодка горьки слезы льет.

А из дверей святого храма
Казак в доспехах боевых
Идет к коню из церкви прямо
В кругу знакомых и родных,

Жена коня ему подводит,
Племянник пику подает;
Вот говорит отец: «Послушай
Моих речей ты наперед».

Мы послужили государю,
Теперь уж твой черед служить,
Так поцелуй же жинку, Варю,
И Бог тебя благословит.

Дарю коня тебе гнедого,
Он таровит был у меня,
Он твоего отца седого
Носил в огонь и из огня.

Еще пелись у нас песни:

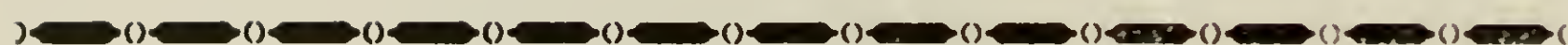
Под ракитою зеленой
Казак раненый лежал,
С кинжалом в груди пронзенной
Жалобно стонал...

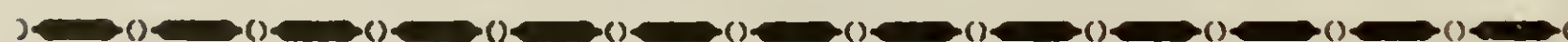
Черный ворон, черный ворон,
Что ты вьешься надо мной,
Ты добычи не дождешься, —
Я казак еще живой.

Пелись песни и других казачьих войск, напр.: «За Уралом, за рекой»:

За Уралом, за рекой
Казаки гуляють
И каленою стрелой
За Урал пущають.
Гей, гей. Пей! Гуляй,
За реку пущають.
Казаки не простаки —
Вольные ребята;

Носят шапки тумаки
И живут богато.
Гей, гей. Пей! Гуляй,
И живут богато.
В темном лесе до полночи
В поле разъезжают,
Все добычи стерегут,
Свищут, не зевают.
Гей, гей. Пей! Гуляй,
Свищут, не зевают.
Штык булатный — верный друг,
Шашка лиходейка;
Пропадешь ты не за грош, —
Жизнь наш копейка!
Гей, гей. Пей! Гуляй,
Жизнь наша копейка!

ПО СЛЕДАМ ПРОШЛОГО.

После недельного пребывания на Адриатическом море, было решено обратный путь в Белград проделать на автомобиле через Билечу и Горажду. Хотелось повидать те места, где провел я восемь лет кадетской жизни в Донском корпусе. Все это было давно, но меня влекло желание побывать там, где я не только учился и воспитывался, но где прошли и лучшие года моей молодости среди сверстников, которых позже жизнь разбросала во все уголки земного шара, не исключая и «огненной земли».

Начало мая 1979 года, солнечный день, мягкий морской воздух; гладкая асфальтовая дорога.

Собираемся в Боку Которскую, от которой уже и не так далеко до нашей цели — городка Билеча, где когда-то находился наш корпус.

Подъезжаем к г. Требинье и уже видим издалека крутую полосу дороги, которая ведет на Билечу. Проезжая мимо железнодорожной станции, нахлынули воспоминания, как здесь, на этой же станции в сентябре 1924 года вышли из вагона четыре мальчика в сопровождении капитана Трусова, который привез их в Донской корпус. Капитан Трусов расспрашивает, — как попасть в Билечу. Ему объясняют, что только по понедельникам ходит почтовый автобус, а сегодня среда, а до Билечи 28 километров. Капитан смотрит на нас вопросительно и говорит: Ну, как, будущие кадеты? Не ждать же до понедельника! — На что длинноногий Алеша Котляров отвечает: я по 5 километров в час делаю, за шесть часов «отмахаем», засветло дойдем. Я, десятилетний и самый маленький по росту не имел представления, как это так, просто, да еще с корзинкой, отмахать 28 км., но возражать не решился. Приволоклись мы не засветло, а поздно ночью. Города нету, а стоит крепость. Это ли корпус? Спросить некого, нигде ни одной живой души. Электричества нет, полутемно; какие-то большие ворота, — заходим в них — опять никого; не видно и окон, — одни бойницы везде, кричать не решаемся. Спасают скамейки, на которые садимся усталые и, полудремля, дожидаемся утра. Позже узнаю, что это была, т. наз., «брехаловка», знакомая всем донцам, которые были в Билече и, по своей роли, заслужено имевшая это прозвище.

Не успели отъехать от Требинье и уже проезжаем «кафану Москва», но мы почему-то и раньше называли ее «Москва».

находилась эта кофейня — кабачек на половине дороги между Требинье и Билечей. Сейчас, рядом со старой, сгоревшей во время последней войны, — выстроен новый небольшой ресторан. Не задерживаясь, продолжаем путь по новой дороге, которая местами срезает небольшие изгибы старого шоссе. Показывая дочери эти покрытые гравием полоски, — я говорю: вот по этой самой дороге, 55 лет назад, я плелся в Билечу и обратно. Последний раз, когда корпус навсегда покидал Билечу, кадеты двинулись пешком до Требинье.

Надо сказать, что в наше старое время, — далеко внизу в узкой долине протекала, местами уходящая под горы, река Требишница. В настоящее время около Требинье построена гидростанция и река превратилась в огромное озеро и вода доходит почти до самой дороги, что совершенно изменило прежний вид местности. Монастырь «Косиерово», который был на берегу Требишницы теперь где-то глубоко под водой. Вспоминаю, как отец Иоасаф водил нас кадет в этот монастырь к двум монахам; любил служить в полутемной церковке, а мы, кадеты, невпопад по службе, отбивали ритмические удары в колокол с чистым чудным звоном, подарком России. О. Иоасаф не делал нам замечаний, он любил колокольный звон. 25 лет спустя, уже в Аргентине, владыка рассказывал мне, как во время своего пребывания в Канаде, наслаждался тем, что выплывал на лодке на середину озера, а келейника просил в это время звонить: добрые, голубые глаза владыки покрывались влагой и он говорил: «какая Божья красота!». Вспоминается предание о граде Китеже и хочется остановить машину, приложить ухо к воде и послушать со дна тот чудный звон...

Проезжаем бензиновую станцию, на которой написано «Чепелица», но она не на том месте, где был ручей с мостиком, — все это осталось глубоко под водой. Озеро делает в этом месте изгиб, который доходит за горой до зданий, где был корпус и дорога, огибая озеро, снова выходит на старое шоссе, проходя между бывшим истоком Требишницы и лагерем. У входа в лагерь большая вывеска с парашютистом. Успеваю только прочесть: «запрещено». Прошу остановить машину, — ответ — нельзя. Только промелькнуло все и ничего не увидел. Хотелось бы все рассмотреть, но возвращаться не решаемся, чтобы не было неприятностей от часового. Успокаиваю себя осмотром издалека, — ведь лагерь на склоне горы. Все, как и прежде — пол века назад: те же три здания, выкрашенные

свежей краской, с новой черепицей. Хотелось сделать фотографию, но не решаюсь, ведь я нахожусь в коммунистической стране, а это военный объект.

Дальше дорога проходила, оставляя город Билечу в стороне. Издали видны были многоэтажные дома, — за 50 лет маленький захолустный городишко вырос и превратился в настоящий город. Держим дальше путь на север и через час езды мы уже поднимаемся на гору Маглич, высотой в 2400 метра. Внизу весна в полном разгаре, а здесь наверху лежит еще снег, на деревьях не видно почек, воздух холодный. Вспоминается пребывание в корпусе, когда зимою дули северные холодные ветры и становится ясно откуда они приносили холод, который мы так не любили и мерзли в тонкой кадетской одежде. Особенно неприятно было ходить за пищей дежурным, — кухня находилась в нижнем дворе в 200-300 метрах от сотенных зданий. Вниз, под горку еще было ничего: мы малыши садились в бачки формы срезанных конусов и скатывались по ледяной дорожке до самой кухни, а вот обратно в гору, с полными бачками супа или чая, было гораздо хуже: скользко, руки мерзнут, бачки тяжелые, суп или чай расплескивается на полы шинели и тут же замерзает, превращая их в доски. Топлива почти не было, местность — голый камень. Спальни на ночь немного протапливали досками, разбирая деревянные бараки австрийского происхождения, но несмотря на все это больных не было. Так протекала, 55 лет назад, в суровых условиях, наша кадетская жизнь, — зимою холод собачий, а летом — адская жара.

Дорога серпентинами спускается вниз, Маглич остается справа; появляется хвойный лес и шум горной реки, — это истоки Дрины. Здесь когда-то рубился лес и бревна сплавлялись по реке Дрине. Сколько воспоминаний связано с этими бревнами в нашей кадетской жизни в Горажде. Невзирая на опасность, седлали мы эти бревна и по бушующей Дрине спускались километрами вниз по течению. Были моменты рискованные и жуткие, но трагических случаев не было. Смелых и Бог бережет.

Показались минареты города Фочи, лежащего на берегу реки Дрины. Уже совсем знакомые места, — до г. Горажды остается всего 30 километров.

Дрина полноводна, — мутная, как всегда весной, когда тают снега. Кругом свежая зелень, местность трудно узнать, — время стерло картины когда-то виденного. Подъезжаем к

Горажде. Вся она белая, в цветущих фруктовых деревьях, яблонь и слив. Пол века тому назад шесть таких весенних, красивых и радостных периодов пришлось встретить в этом местечке среди сверстников кадет родного корпуса... Как были они хороши: весна всегда была снязана с говением, с праздником Пасхи, которую мы с нетерпением ожидали; с отпуском, концом учебного года и летними каникулами. Все мы пережили эти незабываемые моменты корпусной жизни.

Осень также была прелестна. Приезжали с каникул всегда раньше, — у кого были переэкзаменовки, а после сдачи их, до начала учебных занятий оставалось еще с неделю свободного времени. Купанье с ездой на бревнах, неогороженные сады с крупными, разных сортов яблоками, грушами и сливами; скитание по горным лесам, никаких разрешений у дежурного офицера, ни явок после прогулок — никто нами не интересовался в этот период. Проверка могла быть единственно в классах во время уроков. В спальнях, во время обхода в 10 часов вечера дежурным офицером, можно было не находиться, а быть в классах занимаясь, или в гимнастическом зале. В столовой же всегда все старались присутствовать, — голод заставлял, т. к. аппетит у всех всегда был хороший, утоляли его большей частью хлебом, который можно было есть неограниченно.

Въезжаем в Горажду со стороны Фочи, в мусульманскую часть города, почти напротив мечети. Через Дрину построен новый мост, потому что и другая сторона реки теперь застроена. На месте старого моста высторен новый. Тот же садик с новой беседкой, — бывшее место кадет — романтиков. Налево улица, вдоль ручейка, ведущая к зданию почты и упирается в многоэтажный отель. Подъезжаем к бывшему главному зданию корпуса; негде поставить машину; ищем место за рядами новых кварталов домов, где была когда-то жандармская станция. Находим место рядом со старым одноэтажным домом. Присматриваюсь и узнаю, что это бывший павильон, в котором жили: директор корпуса, жандармский майор и семейный персонал корпуса.

Вся эта часть теперь застроена, а также и противоположная сторона, где были бараки 1-ой сотни, кухня, гимнастический, театральный и другие строения. Зашли закусить в ресторан, который построен на месте, где был раньше магазин Стояновича, напротив здания корпуса. Сидя за столом, я смотрел на это, как и раньше, серое здание, только сейчас,

по случаю майского праздника, украшенное красными флагами. Мысли мои возвращались на пол века назад и картины менялись одна за другой и, казалось мне, что я снова кадет и случайно выскочил из здания; вернусь обратно и увижу своих одноклассников, сяду за парту, войдет Чекомас или Солошенко и начнется урок. Приятное чувство охватило меня, мне казалось, что я снова среди своих сверстников, преподавателей и воспитателей, что я снова в корпусе. Очнувшись от минутного очарования, — я отвернулся от здания и вышел из ресторана.

А. Алферов, 43 вып.

1830 г.

Вынос Звериады

ПОЧЕМУ ДОНСКИХ КАЗАКОВ НАЗЫВАЮТ ГАВРИЛЫЧАМИ.

Памяти Максима Константиновича Бугураева, полковника Донской артиллерии, окончившего Донской Императора Александра III Кадетский корпус в 1910 году, редактора нашей книги: «Донской Императора Александра III Кадетский Корпус». Истинного сына России и Дона, казака доброго — мы помещаем его рассказ, написанный им в 1909 году.

Донских казаков несших службу на Кавказе и Закавказье, иногда в шутку, а порой и в упрек называли Гаврилычами. Объяснения этому прозвищу кавказцы давали различные.

Они называли донцов Гаврилычами потому, что казаки вообще величают друг друга по отчеству — это один вариант, а другой следующий:

В отечественную войну граф Матвей Иванович Платов в числе многих писем с Дона получил одно за подписью Гаврилыч.

Письмо это было передано командиру лейб-казачьего полка, генерал-адъютанту графу Орлову-Денисову, который прочел его вслух Императору Александру I. Государь похвалил патриотические чувства, выраженные в письме, благоволил сделать это письмо гласным в войсках, почему оно и было дословно отпечатано на листках в главной квартире. После этого Император, встретив атамана Платова, спросил его: «Не пишет ли тебе еще чего с Дона почтенный Гаврилыч?»

С этого времени стали спрашивать начальников Донских казаков о том, что пишут и что думают Гаврилычи, а немного позже и в войсках стали величать стариков донцов «почтенными Гаврилычами». После отечественной войны устами славных военачальников перенесено это почтенное название и на Кавказ.

Вот дословная копия с письма почтенного старика Донца Гаврилыча, которое соблаговолил выслушать в Бозе почивший Император Александр I.

Серединской станицы казака Ермолая Гаврилыча к Атаману своему Матвею Ивановичу.

Отец ты наш Матвей Иванович!

Давно мы от тебя, отца, грамотки не видали, что победил ты Государь, рать силу неверну, что не столько ты их в полон побрал, сколько нанизал их на наши Донские копия булатные, — мы старики, Государь, от онаго ожили и Спасу со Пречистою поклонилися за тебя и за детей, Им помолися. Даруй, Господи, победу Царю Русскому, помогай Ты его

воинству, нам казакам дай потешиться в поле чистом со злодеями! Вот, тебе, Матвей Иванович, научило ей нас сердце казацкое!

Государь ты наш! Есть у нас горюшко, хоть не горе, а лишь смех один. Наш Макар Федырыч (атаман Серединской станицы) ездил с Дона в ближнюю губернию и привез нам весть, что в каких-то басурманских бумагах писано, что дивится Хранц, как мы мужики простые с бородами в кафтанах долгополых, завсегда ему ребра перещитывали. А мои, дескать, люди умные, изо всех народов самый храбрый и великий, разумеют де и построить крепость и приодеться перед бабами задать выпляску, и мост навести, и в цель стрелять.

То-то, Государь, пословица не даром есть: на всякого мудреца есть много глупости. С крепостями да с их плясками не далеко залетят они. Мы, отец, и простой народ, а бывали уж и в Турции; были в Пруссии и Персии, у Цесарца и в Швейцарии, что Польша — у нас казаков, на ладоночке! Были мы и в Тальянской земле, мы видали их балванов точеных. Не защитит вас, окаянные, идол пакостный, если вы забыли Царя небесного! Мы с бородками и долгополые, а Отцу Богу мы веруем, от него ведь нам и помощь то! Как ударим мы на неприятеля, думаешь, что не Матвей Иванович на борзом коне впереди летишь, а что сам нас Бог на войну ведет. Ах, вы глупые люди, неразумные! Ну, чему же дивитесь нам, что деремся мы без трусости? Эка притча! Мы деремся ведь и за дом, и за детей, за Царя и веру православную. Вы деретесь за звездочку, за золото, да за Бову королевича. Глянь-ка, Хранц, как живем мы на святом Дону? У те волосы подымутся! Будешь ты долтать дуракам одним, что загонишь Русь в холодную Сибирь. Проговаривал ты, что нельзя нас, ни наших обычаев, ни в какой умной земле терпеть. Да земель-то ваших нам не надо: нам мила земля казацкая, широка, длинна земля Русская! Вот сказал ты, Хранц, правду истину, не любы вам наши обычаи, что мы любим Царя, Веру и Отечество. Ты привык видеть только трусов да изменников, притупилось твое жало острое о тверду грудь закаленную. Глянь ка, изверг, как живут у нас! Лишь подымется парень на ноги, уж сидит он на коне борзом, ездит по полю, забавляется и Российскою землею потешается. Ах, ты, Господи! дай силы! — крепости на коне скакать, разгуляться, Донским копьем с неприятелем поразведаться, умереть за землю русскую. Придет время молодцу обабиться,

девки знают парней всех по пальчикам: тот румян идет, как маков цвет, тот лишь поступью молодецкою четырех Хранцев в полон возьмет: а под тем и конь его лихой словно, как осинов лист дрожит! У того копье булатное, и седличко черкеское, и подпруга шелка ярого. Наши девки парней не на день и не на ночь одну любят, а до гробовой доски. Придет время молодцу, по приказу Царя белаго собираться в путь против извергов: наш казак того лишь только ждал! Молода жена коня его ведет, дети саблю его тащат; а старик то со старухою, Бог избави, чтоб заплакали! Заведут сына во зеленый сад, перекрестят его до Троицы, и дадут ему Ангела-Хранителя. Ты служи, сын, верой и правдой; добывай себе ты почести, ты утешь нас стариков седых. У старухи все уже приготовлено: сшита сумочка из бархата, из того самого, который муж ея сорвал с плеч паши турецкого, и повешена та сумочка на шолковом тонком поясе красной девушки Черкешенки. Старик взявши горсть сырой земли, кладет в сумочку бархатную. Вот тебе, сын, благословение, вот тебе земля Дона тихого: с ней живи и умри на ней.

Не прогневайся, отец, Матвей Иванович, что пишу к тебе такую речь простую, казацкую! Все мы знаем, отец-батюшка, что и ты изволишь носить на твоей груди богатырской корешки из твоего сада земного. Корешки ведь с Дона тихого, а мы там с тобою родилися. Эх! бывало во чужой земле приключилась немочь лютая; разведешь щепоть земли Дона батюшки в воде свежей, выпьешь — как ни в чем не был. А другого морят разными кореньями. Лечит нас наш милый Дон. Вспомнишь мать, отца, детей своих, хоть из мертвых приподымешься! Ах! бывало пишешь грамотку: Ты, отец мой, родна матушка! мне не надо злата, серебра, надо мне ваше благословение, вы не шлите мне казны златой, вы пришлите мне воды Донской; почерпните вы хоть скляночку, поклонитесь Дону милому! Смотришь, уже летит гонец, окунулся он в воде Донской — заросли раны тяжелые, хоть опять за саблю острую! Вынимае скляночку из торбы он: вот, Иван, благословение! Отец, мать и дети живы все! Не поверишь и ушам своим, не поверишь и глазам своим! Чуть губами лишь приложишься ко святой воде Дона милаго — ну, иди теперь супостат сюда! Силен Дон и силен Русский Бог! Вдруг случится замирение — казаки наши на Дон пошли; в деревнях им поклоняются, в городах им удивляются. А нам, батюшка, ведь в зачест-то! Вот и к Дону прибли-

жаемся; пыль столбом и солнце скрылося, только слышен стук сабли с копьями. Едут! едут наши станичники! все навстречу, все и стар и млад! Вот бывало и подъедем мы, не к родителям и не к женам своим, а подъедем к храму Божьему. Тут стоят уж и старики-то все, с булавами и с хоругвями. Нам поклон и мы поклон. В церкви Божьей все устроено: в патрахели и уж в ризах поп, а дьячки стоят по крылосам, воспоют «Тебе Бога хвалим!»

Мы ко Спасу и к угодникам все пойдем да в ноги им! Развернись, казна отбитая! Богу слава, ты ему же в дар! А из церкви лишь домой идти: уж стоит мой конь у паперти, его держит молода жена; как падет она коню на груди, упадет перед ним жена на землю, — уж спасибо тебе, верный конь, что донес ко мне хозяина! Тебе есть овес из моих лишь рук, на реку водить тебя одной лишь мне, не носить узды ременныя, я сплету тебе узду шелковую. Смотришь, дети уж ласкаются с дротиком и булатною саблею, чистят их, да чем же ведь? Чистят их Донским песком! Ну, бывало, ах, отец ты наш! прослезимся — хоть и стыдно бы.

От чего же все это держится, от чего мы любим тихий Дон? Ты отец наш, ты нам батюшка, любишь Русь и любишь Дон святой! Ведь мы ведаем все, что ты ни делаешь, знаем мы, что нет ни гонца, ни посла от вас, чтоб ему ты не приказывал: поклонись Дону Ивановичу; ты напейся за меня воды его; ты скажи, что казаки его служат верою и правдою. А ведь это то нам, батюшка, слаще меда, слаще сахара!

Ну да как же нам не любить нашу родину, не любить нам Дона, батюшки? Супостаты нечестивые! Не дивитеся вы этому! Дорогова у нас много есть; нам земля тяжелее золота, нам вода вкуснее ваших вин! Атаман у нас казак Донской, на земле нашей родился он, а в воде нашей в купели был. Не под стать нам ваши наровы! Вы умнее нас, ну так и быть! Люди умные! мы вам не завидуем. Глянь-ка, что у нас приключилося! Молодой казак привез дьявольское стекло, что зовут у нас лорнетками. Ну, на что нам дрянь эта? И без стекол делать мы научены. Засадил парня в темную, пусть-ка посмотрит он в стекло свое! Не вози ты нам, молокососишко, французских злых обычаев. А другого было дернуло нарядиться в ваше платьице кургузкое; старики поосерчалися, содрали с него платье пахабное да досталось и плечам его! Ай, спасибо, Матвей Иванович, что ты держишься старинушки! Помогай тебе, Государь, небесный Царь! Ты нижи

копьем за границею, ты щелчки давай молокососишкам, что задумают стариков седых на французской лад перестраивать.

Да я долго закалякался! У тебя, отец, дела куча есть!

Ты злодеев бьешь, а нас милуешь; на чужой стороне города берешь, а у нас на Дону ты строишь их. Так прости же нас, Государь ты наш!

Будь здоров и люби ты нас!

Затем писавый Ермолай Гаврилыч — земно кланяюсь

Максим Бугураев, 1909 год.

1929 г. Сороковой выпуск Донского Корпуса

ВѢРНЫ ЗАВѢТАМЪ СТАРИНЫ,

КАК БЫЛИ НАПИСАНЫ СВВ. ЕВАНГЕЛИЯ.

(Первая часть статьи была напечатана в журнале «Возрождение» № 17. Эта, вторая, часть печатается только у нас).

ЧАСТЬ II

Бесконечно давно, существует специальная наука, имеющая целью всестороннее изучение священного писания. Наука эта называется **экзегетика.** Начало ее восходит к далекой древности, ко второму веку, но действительно научный характер она приобрела только начиная с прошлого века и главным образом в наш век.

До **девятнадцатого** века крупных работ и исследований, на эту тему, было мало. Католическая церковь, боялась породить новый протестантизм. Православная Византия была под турками, Балканы под турецкой угрозой, или под угрозой католицизма, а Россия еще не окрепла, чтобы говорить о том, что могло бы дать искру для раскола. Надо вспомнить, что поправка церковных книг, при Патриархе Никоне и Царе Алексее Михайловиче, показала, что русское население склонно, иногда, очень фанатично и непримиримо относиться к вопросам подобных перемен. Протестанты тоже должны были быть осторожными, чтобы не навлечь на себя гнев и порицание за новаторские теории.

Суждения о том, как и в каком порядке писались Свв. Евангелия и кто были их авторами, базировались главным образом на мнениях некоторых Отцов Церкви первых веков христианства, а именно: Папия, епископа Иерапольского — второй век; Климента Александрийского — второй век; Оригена — третий век; церковного историка Евсевия и др.

В 1789 г. появилась работа немецкого ученого Грисбаха, а в 1835 г. Лахмана. Они осторожно выдвигали теорию, на основании сравнений и исследований, что первое Евангелие было написано не Евангелистом Матфеем, как раньше думали, а Евангелистом Марком, и что Евангелисты Матфей и Лука, взяв очень много от Евангелиста Марка, дополнили его из какого-то другого, вероятно писанного, источника, не дошедшего до нас. Этот потерянный список стали называть «Логия», а иногда буквой «Q», от немецкого слова «Квеле», что значит «источник».

Однако, эта гипотеза о двух источниках — Ев. от Марка и «Q», имела много необъяснимых положений. И только в нашем веке, в 1925 году английский ученый Б. Г. Стритер обосновал новую гипотезу, которую теперь принимают почти

все те ученые, изучающие Новый Завет.

Мне хочется обратить внимание на то, что совершенно не важно в каком порядке писались Свв. Евангелия и кто первый написал — Ев. Матфей или Ев. Марк. В каноническом отношении это ничего не меняет. В книге Арх. Аверкия есть ссылка на книгу ученого Феррара, перевод которой сделал А. П. Лопухин, — «Жизнь Иисуса Христа». Перевода же книги Стритера вероятно не было и возможно, что наша церковь еще не имела своего суждения об этом. Повторяю, что принципиальной важности в этом нет. Но если принять положения Стритера, то многое становится яснее и понятнее при сопоставлении текстов Евангелистов Марка, Матфея и Луки.

Выводы Стритера называются «Теория четырех источников» и мне кажется правильным здесь вкратце ее изложить.

Основа всего в том, что три первые Евангелия схожи между собой. У них приблизительно одинаковый порядок расположения событий и все три говорят о проповеди Господа Иисуса Христа в Галилее. Они настолько схожи, что их можно написать тремя колонками, расположив отдельные события, или притчи, параллельно, или в один ряд. Из-за того, что они схожи их и называют «Синоптические» Евангелия.

Но они **схожи,** а не **одинаковы.**

Четвертое Евангелие — от Иоанна несколько отличается от них.

Теория четырех источников, после тщательного разбора всего евангельского текста, после исследований не только смысла отдельных «перекопов», т. е. «смысловых отрывков», но и отдельных слов и сравнения их с греческими первоисточниками, и после различных подсчетов говорит:

Первым возникло Евангелие от Марка — всего 661 стих.

Вторым писал Ев. Матфей, которому хорошо было известно Ев. от Марка и который взял у него, без каких-либо смысловых изменений 600 стихов, дополнив их материалом взятым из источника «Q», и еще из материалов известных только ему одному. Пометим их буквой «М».

Третьим писал Ев. Лука, который взял из Ев. от Марка 350 стихов, без существенных изменений, дополнил их добавлениями схожими с добавлениями Ев. Матфея, взятыми из источника «Q», а потом пополнил свой текст из источников только ему одному известных и незнакомых ни Ев. Марку, ни Ев. Матфею. Пометим их буквой «Л».

Итак, четыре источника это: Евангелие от Марка, «Q», «М» и «Л».

Ев. Матфей писал пользуясь Ев. от Марка, «Q» и «М».

Ев. Лука писал пользуясь Ев. от Марка, «Q» и «Л».

Что же говорит в пользу такой теории?

У Ев. Матфея и Ев. Луки хронологический порядок событий почти тот же, что и у Ев. Марка, но если этот порядок где-то нарушается, то хотя бы у одного из них он продолжает соответствовать Ев. Марку.

То, что взято из источника «Q» одинаково по смыслу и у Ев. Матфея и у Ев. Луки, но поставлено у них в разных местах. После четвертой главы у Евв. Матфея и Луки, ни один из перекопов, взятых из источника «Q», не находится на том же месте.

Нет существенной словесной разницы между Ев. Марком и Ев. Матфеем, и Ев. Марком и Ев. Лукой в том материале, который основан на Ев. от Марка, но есть словесная разница между Ев. Матфеем и Ев. Лукой в материале заимствованном из «Q», т. е. из одинакового источника.

Напр.: Ев. от Матфея гл. 18, ст. 10-14 и Ев. от Луки гл. 15, ст. 3-7. Это может быть объяснено только так, что первое было написано Ев. от Марка и оно было известно и Ев. Матфею и Ев. Луке.

И у Ев. Матфея и у Ев. Луки есть описание событий таких, которых нет ни у одного из других Евангелистов, т. е. существовал собственный источник информации — «М» у Ев. Матфея и «Л» у Ев. Луки.

Наконец последнее замечание: У Ев. Матфея гл. 23, ст. 37-39 и у Ев. Луки гл. 13, ст. 34-35 говорится об Иерусалиме «Се оставляется дом ваш пуст». Можно считать, что говорится об уже разрушенном Иерусалиме, т. е. о времени после 70 г. по Р. X. у Ев. Марка этого нет. Там, в гл. 13 Иерусалим еще стоит.

Поэтому теперь считают, что Ев. от Марка было написано между 64 годом — смертью Ап. Петра и 70 г., а Евв. от Матфея и от Луки написаны после 70года.

Чтобы глубже понять эту теорию ознакомимся с житием Ев. Марка.

Из деяний Апостолов: Марк был сыном Марии, владетельницы дома в Иерусалиме, в котором, во время первого гонения на христиан Иродом Агрипой I, собирались христиане для молитвы (42 г.). Апостол Петр пребывал в этом доме

после его чудесного избавления из темницы. То, что Ап. Петр, в одном из своих посланий, называет Марка своим сыном, считается, что Ап. Петр крестил Марка и перевел его в христианство. В 44 г., совместно с Ап. Петром и Ап. Варнавой, Марк совершает путешествие по Малой Азии, Кипру и многим другим местам. Потом он возвращается в Иерусалим и вскоре снова сопровождает Ап. Петра. Он был в Риме и в то время, когда Ап. Павел был заключен в темницу в первый раз и тогда, когда Ап. Павел был заключен во второй раз — 66-67 года.

Из Предания: Папий, епископ Иерапольский — ученик Св. Иоанна Богослова, говорит, что Марк не слышал проповеди Господа Иисуса Христа и не сопровождал его как ученик, т. к. для этого он был слишком молод, но он был учеником Ап. Петра, его переводчиком и ближайшим сотрудником. Много позже он основал церковь в Александрии, был первым ее епископом. Когда он умер — неизвестно, но считается, что погиб он мученически. В девятом веке, его мощи были перенесены из Александрии в Венецию, где был воздвигнут величественный собор Св. Марка.

Папий пишет, что он слышал от Ап. Иоанна, что Марк будучи при Ап. Петре переводчиком, тщательно записывал и запоминал слова и дела Господа Иисуса Христа. Его главная забота была не пропустить ничего и описать все правдиво.

Все это разрушает теорию о том, что Ев. от Марка это сокращенное Ев. от Матфея, особенно если принять во внимание, что в Ев. от Марка 661 стих, а в Ев. от Матфея только 600 тех же стихов.

Климент Александрийский пишет: (211 год), Когда Ап. Петр говорил в Риме, по вдохновению Духа Святого и большое количество народа слушали его, то они просили Марка, который сопровождал Ап. Петра долгое время и хорошо понимал проповедь Апостола, чтобы он записал ее. Марк это сделал и дал тем, кто просил.

Ориген (254 г.). говорит: «Марк записал то, что Ап. Петр внушил ему».

Таким образом, церковное предание первых веков христианства говорит, что Марк — переводчик Ап. Петра, является автором Евангелия. Существуют и другие свидетельства. Потому и считается, что Евангелие Св. Марк написал в Риме, для Римской Церкви и вероятно закончил его перед, или сразу после, мученической смертью Ап. Петра (64 г.), пока он все хорошо помнил.

Написано Евангелие по гречески, т. к. тогда и в Риме этот язык был в употреблении и, до третьего века, язык Римской Церкви был греческий. Язык, в тексте Евангелия, это реальный язык обывателя. В нем много латинизмов и есть арамейские слова (слова Господа Иисуса Христа во время распятия).

Главная тема Евангелия от Марка — это крестные страдания Господа Иисуса Христа и то, что жизнь христиан это свидетельство страданий. У Марка Иисус Христос не называет себя Мессией! Однако много имен: Сын Божий, Владыка, Повелитель, Царь Вселенной. Ев. Марк первый утверждает положение и веру, что Иисус Христос был полностью и Бог и человек. У Марка сказано, что Сыну Человеческому надлежит много пострадать. См. гл. 9, ст. 12 и ст. 31. (См. также начало Евангелий у Марка и у Матфея — главы 1, ст. 1).

Важные темы Евангелия от Марка это повествование о чудесах Христовых и подчеркивание Всемогущества Божия, а также требование покаяния, т. к. приблизилось Второе Пришествие.

У Ев. Марка много точных деталей, напр.: призыв первых четырех Апостолов, исцеление глухонемого и др., которые показывают, что все эти сведения получены от очевидца. У него, также, описана внешность Ап. Петра, всегда называемого первым среди других апостолов. Сказано и о том, что Ап. Петр спал в Гефсиманском Саду и вызвал этим недовольство Господа Иисуса Христа, что он отрекся трижды до пения петухов. Очевидно Ап. Петр сам себя укорял за эти минутные слабости. Интересно, что, вероятно по скромности, Ап. Петр не передал Ев. Марку то, что лично с ним произошло, т. к. у Марка этого нет, а есть у других Евангелистов. Напр.: хождение по воде озера (у Ев. Матфея); обещание, что Петр будет первым среди учеников (у Ев. Матфея гл. 16, ст. 17-19); миссия Ап. Петра, совместно с Ап. Иоанном приготовить все к Пасхе (у Ев. Луки гл. 22, ст. 8); явление ему Господа Иисуса Христа (у Ев. Луки гл. 24, ст. 34).

Это все показывает, что Евангелие от Марка — короткое и точное, написано со слов Ап. Петра.

Ученые считают, что Ев. от Марка, в том виде, как оно дошло до нас, носит следы кое-каких изменений. Почти все исследователи сходятся на том, что конец, начиная со стиха 9-го, гл. 16-ая, это позднейшее добавление. Во многих старинных списках его нет и в Синайском Кодексе тоже нет, но на странице, где оно должно быть, оставлено пространство, так, как будто переписчик, зная о существовании такого

окончания, а может быть и имея его перед собой не мог решить вписывать его, или нет. Конец гл. 7 и начало гл. 8 тоже носят следы опущений и добавлений.

Отметим также, что проповедь Иисуса Христа в гл. 13 заканчивается на нотах надежды и ожидания: ст. 33 — «Смотрите, бодрствуйте и молитесь;...», ст. 35 — «И так бодрствуйте;...», а в ст. 37-ом сказано: «А что вам говорю, говорю **всем:** бодрствуйте». Видимо Евангелие писалось в Риме для всех, а не только для Иудеев живших в Риме.

Итак, мы сказали, что Ев. Марк писал свое Евангелие для Римской Христианской Общины, в которой были и евреи и не евреи.

Ев. Матфей, по общему убеждению, писал Евангелие для Иудеев — для Еврейской-Христианской Общины, поэтому оно изобилует ссылками на Ветхий Завет и на Пророков. Этих ссылок в евангельском тексте 66, буквальные выписки в 43 случаях и 11 раз повторяется фраза: «Да сбудется реченное Господом через пророков...».

Тут уместно будет сказать о том, для чего писались Св. Евангелия. Считается, что это «литургические» книги, т. е. их читали на собраниях первых христиан. Первые же христиане были главным образом евреи. На собраниях пели псалмы Давида, читали выдержки из пророков и читали свидетельства о событиях, которые были совсем **недавно,** может быть они еще были памятны некоторым, поэтому в Евангелии мало исторических дат, из-за чего трудно установить точную хронологию событий. (Чтение Евангелия на собраниях христиан вытеснило чтение Пророков и Пятикнижия только в середине второго века).

Кроме того, было распространено убеждение, что Второе Пришествие и конец мира будут очень скоро — вот в этом году, или через год и Св. Евангелисты не собирались писать исторические исследования с точными датами, городами, параллельными событиями и т. д. Для них важен был **смысл** проповеди, **свидетельство** о Господе Иисусе Христе и **призыв** к **покаянию,** а не история.

Интересно что, когда к концу первого века Второго Пришествия не последовало, то некоторые стали отпадать от христианства и возвращаться в иудаизм.

Св. Евангелисты не писали о себе, поэтому об авторах точных сведений нет. По этим же причинам трудно, с полной уверенностью, установить личность Ев. Матфея. В самом Евангелии, в перекопах говорящих о призыве Апостолов, сказано

о призыве собирателя податей — «мытаря». У Ев. Марка он называется Левий, у Ев. Матфея это Матфей, у Ев. Луки он Левий и Матфей. У евреев часто было два имени, т. что ошибки здесь нет. Был призван Левий-Матфей, но был ли он Евангелистом или нет — определенных данных у нас нет.

Но совершенно ясно, что Ев. Матфей был очень образованным евреем. Может быть он был раввин, как был Ап. Павел, или образованный фарисей, или книжник. Он очень хорошо знал писания Пророков, легко в них разбирался и описывал события, подтверждал и объяснял их ссылками на Пророков.

Этими пояснениями он как бы доказывает своим слушателям-евреям, что Господь Иисус Христос был Мессия; он убеждает их неопровержимыми доводами: раз ты веришь Пророкам, вот подтверждение того, что они сказали.

В Ев. от Матфея, совершенно открыто, Иисус Христос называется «Господь», «Царь», «Судья», «Спаситель», «Сын Человеческий», т. е. теми именами, которые принадлежали Мессии; но также Онъ называется и «Сын Давидов»! Вероятно с той же целью убеждения и доказательства Ев. Матфей начинает Евангелие с родословной Господа Иисуса Христа и доказывает этим, что Он из рода Царя Давида! У Ев. Марка этого нет. Там Евангелие начинается с крещения Иисуса Христа Иоанном Крестителем. Но у Марка, в начале Евангелия, Господь Иисус Христос называется «Сын Божий», а у Матфея «Сын Давидов».

Глубина той христианской морали, которой наполнено Ев. от Матфея, делает его одним из основных фундаментов христианских Богодухновенных книг. У Ев. Матфея, эти христианские духовные основы ярче всего выразились в Нагорной Проповеди. Эти Заповеди Блаженства по глубокому смыслу заложенному в них находятся на уровне более высоком, чем процесс логического мышления человека! Это поистине **Божественные Заповеди,** иногда и несовсем понятные человеческому разуму.

Все содержание первых двух глав в Ев. от Матфея отсутствует в Ев. от Марка, а дальше с третьей главы тексты этих двух Евангелий совпадают. Главы 5-ая, 6-ая и 7-ая в Ев. от Матфея, это собрание поучений получивших название «Нагорная Проповедь». Эти главы являются одним большим текстом взятым из источника «Q» (или «Логии»). В Ев. от Марка этого нет, хотя отдельные поучения из Нагорной Проповеди встречаются и в Ев. от Марка. Дальше, довольно точно про-

должается следование событий, в том же порядке, как и в Ев. от Марка, но в последних главах, у Ев. Матфея, добавлен ряд притч, которых нет у Ев. Марка, заключительная же часть в Ев. от Матфея отличается от Ев. от Марка.

Ввиду того, что Ев. Матфей пишет для Еврейской Общины, он не объясняет еврейских обычаев, о которых упоминает, т. к. они всем известны! Евангелисты Марк и Лука их поясняют. Ев. Матфей оставляет также без пояснений арамейские слова.

Хотя, по своему духу, Ев. Матфей христианин, искренне преданный Господу Иисусу Христу, он, с искренним ужасом, осознает факт, что евреи не приняли Господа Иисуса Христа как Мессию. Он восклицает: «Кровь Его на нас и на детях наших» (гл. 27, ст. 25). Это только в Ев. от Матфея.

У Ев. Марка описано, как фарисеи укоряли учеников христовых, что они едят неумытыми руками, что против законов иудейских, и дальше следует отповедь фарисеям Господа Иисуса Христа («Ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его;...»), (гл. 7, ст. 15). Тут, как бы, разрешается несоблюдение законов еврейских. В Ев. от Матфея: гл. 5, ст. 17: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить». Это подтверждение нерушимости еврейских законов.

Однако, в гл. 23, Ев. Матфей приводит слова Господа Иисуса Христа дающие полную отповедь книжникам и фарисеям. Глава написана в резком тоне обличения и угроз, подтверждает уверенность, что написано это уже после того, когда произошел отрыв неиудейской-христианской церкви от христиан-иудеев. А это произошло после разорения Иерусалима в 70 году. Эта резкая отповедь находится только в Ев. от Матфея. Чувствуется, что Ев. Матфей испытывает своего рода горечь от расхождений, возникших между двумя оторвавшимися другъ от друга церквами.

Добавим, что все Ев. от Матфея отличается строгим тоном обличения по отношению к евреям «не принявшим Христа». У Ев. Матфея Бог не милостивый, а строгий и взыскивающий. Интересно отметить, что «Страшный Суд» только в Евангелии от Матфея.

Приступая к разбору совершенно изумительного по содержания Евангелия от Луки следует отметить, что помимо Евангелия, Св. Лука вероятно написал и Деяния Апостолов. В начале первой главы, он, как и в начале Деяний, обращается к «Досточтимому Феофилу», жившему, как предполагают, в

Антиохии. В этом обращении он говорит, что так как уже многие стали составлять повествования о «совершенно известных между нами событиях», т. е. о проповеди Иисуса Христа, то и он, Лука, теперь, опишет эти события для Феофила, а возможно и для греческой колонии там, где жил Феофил.

Но при этом Ев. Лука говорит, что описывать он будет тщательно все проверяя. Вот эти слова: «То расудилось и мне, по тщательном исследовании всего, сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил» (гл. 1, стих 3).

Таким образом, мы тут видим серьезный научный подход к прошедшим событиям. Я нарочно употребляю слово научный, т. к. вся экзегетика (наука, изучающая Священное Писание), с массой ученых, которые сейчас работают в этой области, со всеми тщательными анализами и сопоставлениями, с ориентацией на документы и на археологию, является серьезной наукой, такой же, как статистика, древняя история, археология и работает эта наука не с легендами, как хотят подать это атеисты из Сов. Союза, а с точными свидетельствами — лучшим представителем которых является Евангелие от Луки, а сам Ев. Лука является серьезным и преданным своему долгу ученым того времени.

Известно, что Ев. Лука сопровождал Ап. Павла в его путешествиях, известно, что он был медиком-врачем. Взявшись писать о жизни и проповеди Господа Иисуса Христа, он проверял все события с очевидцами того времени. Многие считают, что он виделся или с самими Захарием и Елизаветой — родителями Иоанна Крестителя, или с их родственниками, со старцем Симеоном и пророчицей Анной, с Марфой и Марией и с Пресвятой Богородицей. Предание говорит, что он писал портрет-икону с Пресвятой Богородицы.

Почему же мы говорим об этом с такой уверенностью?

Потому что он начинает Евангелие с жизни родителей Св. Иоанна Предтечи (Крестителя), и описывает такие подробности, которые мог знать только очевидец. Потом он переходит к Рождеству Христову, о котором тоже пишет с подробностями и только позже, с конца третьей главы, начинает включать заимствованния от Ев. Марка.

Рождества Христова, в том виде как оно описано у Ев. Луки, ни у кого другого из Евангелистов нет. У Ев. Луки несомненные поэтические дарования. Многие из его Евангельских стихов переложены на музыку и поются у нас в церкви.

Много раз в году читается Ев. от Луки о встрече Св. Елизаветой, ожидающей рождения будущего Иоанна Крестителя, с Материю Божией. За каждой вечерней поются трогательные слова Божией Матери, из Ев. от Луки: «Величит душа моя Господа; и возрадовался дух мой о Бозе, Спасе моем;...». Поются слова старца Симеона: «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко...». Наконец поется ангельская песнь: «Слава в вышних Богу...». Все это из Ев. от Луки.

В следующих главах Ев. Лука описывает события или взятые из Ев. от Марка, или из того же источника «Q», из которого берет Ев. Матфей, или из другого, только ему одному известного источника, который мы называем «Л». Он собирает сведения о чудесах и о притчах сказанных Господом Иисусом Христом.

Из двадцати одного чуда, совершенного Господом Иисусом Христом, которые описал в своем Евангелии Ев. Лука, 14 упомянуты и у других Евангелистов, а семь приведены только у Ев. Луки. Вот они: 1) Ловля рыбы на Генисаретском озере, 2) Воскрешение сына вдовы Наинской; 3) Христос проходит невидимо среди врагов; 4) Исцеление немощной в синагоге в субботу; 5) Исцеление страдавшего водянкой в субботу в доме фарисея; 6) Исцеление десяти прокаженных, из которых только один поблагодарил — и был он самарянин; 7) Исцеление уха отрубленного у раба первосвященника.

Из 35 притч упомянутых в этом Евангелии, 19 только в Ев. от Луки. Вот некоторые из них: 1) О милосердном самарянине; 2) О пире на который званные не пришли — «много званных, но мало избранных»; 3) О богатом и Лазаре; 4) О мытаре и фарисее; 5) О «динарии» — «кесарево кесарю, а Божие Богу»; 6) О блудном сыне и т. д.

В Ев. от Луки много и других подробностей, напр., служение 70 учеников, причем, считается, что сам Ев. Лука был в числе этих 70, т. к. очень точно и подробно описано это служение. Наконец, явление Иисуса Христа, после Воскресения, двум ученикам идущим в селение Эммаус. Вся эта глава написана так ясно и с такими деталями, что естественно возникает предположение, что один из этих учеников был сам Ев. Лука. Имя дается только одного ученика — «Клеопа», а о себе, по скромности, он не упоминает. Таков был обычай в то время, который повторяется позже и в нашей истории.

Из этого можно заключить, что Ев. Лука был среди учеников и ему было явление Господа Иисуса Христа.

Итак, он ученик Христов, он ученый, он лекарь, он живописец и он поэт, т. е. Ев. Лука является исключительно одаренной личностью.

Мы уже сказали, что Ев. Лука сопровождал Ап. Павла в путешествиях и можно считать, несомненно, что он принял от него ту мысль, которую Ап. Павел настойчиво проповедовал, а именно, что Мессия пришел не только для еврейского народа, но для спасения всех людей. И вот, проводя родословную Господа Иисуса Христа он ее доводит до Адама, в то время, как Ев. Матфей доводит родословную только до Царя Давида, доказывая, что Иисус Христос действительно из рода Давида.

Ев. Лука приводит иные последние слова Спасителя перед крестной смертью, чем другие Евангелисты. Ев. Марк и Ев. Матфей приводят арамейские слова, которые переводят так: «Боже мой, Боже мой, почто еси меня оставил». Но это слова из 21-го псалма Давида. Не похоже, чтоб Господь Иисус Христос, так веско и метко отвечавший фарисеям и книжникам, на все их хитроумные вопросы, сказал бы перед смертью не свои слова, а слова из псалма Давида. И вот, у Ев. Луки мы читаем, что последние слова были: «Отче! В руце Твои предаю дух мой!» А эти слова действительно в духе всей Евангельской проповеди.

И наконец, мы переходим к самому трудному и к самому величественному Евангелию от Иоанна. Сам Евангелист говорит для какой цели он написал Евангелие. Вот стих 31 из гл. 20; «Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его». А вот, как заканчивает Ев. Иоанн свое евангельское повествование: гл. 21, ст. 24 и 25: «Сей ученик и свидетельствует о сем, и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его. Многое и другое сотворил Иисус: но если бы писать о том подробно: то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг. Аминь».

Из этого видим, кто был автор этого Евангелия. Это любимый ученик Господа Иисуса Христа Ап. Иоанн Богослов.

Считается, что Ев. от Иоанна написано в самом конце первого века, что разделение между церковью и синагогой уже закончилось, что сам Ап. Иоанн жил в это время в Эфесе, в преклонном возрасте, но имел вокруг себя много последователей — учеников.

Наша Церковь считает, что ему были известны три синоп-

тические Евангелия. Если принять именно эту точку зрения, то многое становится понятным. Напр.: почему не описано крещение Иисуса Христа Иоанном Крестителем? Но зачем, ведь оно уже описано у Евв. Матфея и Луки. Зато сказано то, чего в синоптических Евангелиях нет, а именно, что Иоанн Креститель был Предтечей — он был послан чтобы приготовить людей к приходу Мессии.

В Ев. от Иоанна нет и описания Рождества Христова.

Три соноптических Евангелиста рассказали о событиях и о проповеди Господа Иисуса Христа и о чудесах и о притчах. Чудеса и притчи Ев. Иоанн дополняет, но не это главное для него!

А главное, что Он был Сын Божий!

И это главная тема Ев. Иоанна — Слава Сына Божия.

У Ев. Марка Господь Иисус Христос несколько раз просит не рассказывать о нем, как о Мессии после совершенных чудес. Исцеление больных в доме тещи Симона-Петра: «... и не позволял бесам говорить, что они знают, что Он Христос». Прокаженному: «...смотри, никому не говори...» и др.

А у Евангелиста Иоанна Господь Иисус Христос говорит о себе: «Я есмь «жизнь», «Свет мира», «лоза жизни», «дверь в стене», «пастырь добрый», «воскресение жизни».

«Я есмь Господь Бог твой...» так говорится в первой Ветхозаветной Заповеди. А тут в Новом Завете, в Ев. от Иоанна: «Я есмь путь, истина и жизнь» и др. «Я и Отец одно», «Я победил мир», «Раньше, чем Авраам был — Я был», «Кто видел Меня — видел Отца». И в конце Евангелия Ап. Фома восклицает: «Господь мой и Бог мой!»

У Ев. Иоанна Господь Иисус Христос принадлежит к Высшему Миру и «Царство Его не от мира сего».

Он пришел к своему народу, но они не приняли Его. Это показатель того, что миссия церкви Божией, и историческая и теологическая, уже перешла к христианам-неевреям и, что церковь и синагога уже разделились окончательно, и, что само Евангелие от Иоанна написано для неевреев.

Из Евангелий видно, что писал очевидец. Да и отцы церкви первых веков свидетельствуют:

Ириней, епископ Лионский, называет Иоанна «любимым учеником» Спасителя.

Папий, епископ Иерапольский, называет его «Сын Зеведеев».

Климент Александрийский называет все Евангелие «Духовным Евангелием» и говорит, что оно дополняет синоптические.

В Ев. от Иоанна, с самого начала и через всю свою земную жизнь, Господь Иисус Христос в славе и всемогуществе. Уже в прологе, в начале — весь мир получает новое освещение и понимание через приход в мир Иисуса Христа. Написано Евангелие так величественно и просто, что обладает неподдельной красотой.

В Ев. от Иоанна, в описании чудес проводится та же мысль о всемогуществе Господа Иисуса Христа. Вот те чудеса, которыми Ев. Иоанн дополнил синоптиков. Их восемь. 6 приведены только у Ев. Иоанна, но как хорошо некоторые из них нам известны:

1) Превращение воды в вино на свадьбе в Кане Галилейской.
2) Исцеление сына вельможи.
3) Исцеление парализованного в общей купели.
4) Насыщение толпы. (Есть у других Ев.).
5) Иисус Христос идет по воде. (Есть у других Ев.).
6) Исцеление слепорожденного.
7) Воскрешение Лазаря.
8) Второй чудесный улов рыбы.

И дальше Ев. Иоанн указывает, что было еще много чудес. Некоторые ученые считают, что в описании чудес есть своеобразная аллегория. Так в хождении по воде — испуганные ученики зовут Спасителя в лодку и когда он входит в нее, то лодка сейчас же оказывается на берегу — это соответствует мысли Ев. Иоанна, что когда Иисус Христос с церковью — то это новое время и царство Его обретено.

Так же и при воскрешении Лазаря — всемогущество Иисуса Христа уже сейчас здесь, а не в будущем.

Но Господь Иисус Христос — любящий и милостивый, а не строгий! Так, после воскресения Он спрашивает Ап. Петра, который недавно трижды отрекся от Него: «Любишь ли ты Меня...» и, потом, передает ему заботы о Церкви.

Интересна еще одна смысловая разница Ев. от Иоанна с синоптическими Евангелиями. У Ев. Иоанна **вечная жизнь** уже существует для верующих! А у синоптиков — надо ждать **второго пришествия** и **суда.**

Ев. от Иоанна содержит в себе целый ряд самых возвышенных поучений Спасителя, в которых раскрывается Его Божественное Достоинство: беседа о таинстве причащения, о Пастыре Добром, и, наконец, прощальная беседа с учениками на Тайной Вечери в форме завещания, т. к. Он должен идти к Отцу. (В согласии с этим и последнее слово Спасителя

при распятии: «Свершилось!»), и последняя молитва при конце Тайной Вечери.

Евангелие от Иоанна полно дивной красоты, глубоких мыслей, но читать его надо медленно, вдумываясь в каждый стих. В нем много раз ясно сказано, что **милостивый Господь** просит и примет в лоно свое каждого истинно верующего человека.

Арх. Аверкий пишет, что основная разница между синоптиками и Ев. Иоанном в передаваемых ими беседах Господа Иисуса Христа. У синоптиков эти беседы просты, легко доступны пониманию, популярны; у Ев. Иоанна — они глубоки, таинственны, часто трудны для понимания, как будто предназначены не для толпы, а для более тесного круга слушателей. Но так оно и есть: синоптики приводят речи Господа, обращенные к галилеянам, людям простым инеобразованным; Ев. Иоанн передает, главным образом, слова Спасителя обращенные к иудеям, книжникам и фарисеям, людям искушенным в знании Моисеева закона и высоко стоявшим на ступенях тогдашней образованности.

Все четыре Евангелия, нисколько не противоречат друг другу, а только дополняют общую картину жизни и проповеди Господа Иисуса Христа.

Мы нигде не касались смысла отдельных перекопов или отдельных фраз Господа Иисуса Христа, приведенных в Святых Евангелиях, мы говорили только о том кто были Свв Евангелисты, как в какой духовной среде, они создавали свои бесценные рукописи, так хорошо дополняющие одна другую. Скажем еще раз, что все четыре Евангелия представляют одно целое — Благую весть, читать их надо вдумываясь в смысл сказанного, в смысл происходившего, в смысл действий, притч и наставлений Господа Иисуса Христа, а не в значение отдельных слов, которые иногда не аналогичны в разных Евангельских текстах.

Вот краткий обзор всего сказанного выше:

Ев. от Марка: Короткое, но тщательное изложение событий, слышанных от Ап. Петра, т. е. от очевидца. Написано для Римской Церкви.

Ев. от Матфея: Написано для евреев и христиан и нехристиан. Множество сносок на Пророков, доказывающих, что Господь Иисус Христос и был Мессия. Возможно, что сам Евангелист Матфей был Апостолом, т. е. очевидцем.

Ев. от Луки: Сам Евангелист вероятно был одним из 70 учеников Спасителя. Собирал материалы и опрашивал живых

свидетелей событий. Участвовал в путешествиях совместно с Ап. Павлом.

Ев. от Иоанна: Сам Евангелист был любимым учеником Спасителя и Апостолом — очевидцем. Он дополняет первые три Евангелия и, на протяжении всего текста, говорит о Величии и Божественной сути Господа Иисуса Христа.

Все четыре Евангелия, дополняя друг-друга, дают одно общее свидетельство. Это свидетельства о реальных делах и реальной проповеди и против них никто не в силах выдвинуть никаких серьезных возражений.

Свет Евангелий в том, что они заповедуют не только любовь к ближнему, как требовал Ветхий Завет, но и любовь к врагу и молитвы о врагах! Евангелия утверждают полное равенство всех людей перед лицом Господа Бога, даруют людям полную свободу в выборе пути в жизни, не делают разницы между людьми и вводят только одно мерило для человека — веру в Милостивого Бога Творца. — Верь и вера твоя спасет тя! Вера доступна каждому — каждый может прийти к Богу!

Господь Иисус Христос, Своей жизнью и Своей проповедью, которая «как раскаленный нож и обжигала и резала», но и «давала слепым зрение» — по словам Ев. Иоанна, открыл людям, всем людям, новые пути, новый свет и новый мир. Он дал свободу принимать решения, поднял человека над видимым миром и обещал жизнь вечную **верующим.**

И. А. Автамонов.
Июль 1981 года

ГЛАВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ:

1. Священное Писание Ветхого и Нового Завета.

2. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета — Еп. Аверкий, изд. Свято-Троицкого Монастыря в Джорданвилле, Нью Йорк. 1954 г.

3. «В поисках Царствия Небесного» — О. фон Клемм (Клементьев), рукопись.

4. Энциклопедия Британника, 15-ое издание, 1974 г.

5. Работы по изучению Священного Писания иностранных авторов: С. Ф. Еванс, Р. Е. Браун, Ф. С. Грант, И. Е. Стан мюллер, В. В. Гаско, В. Г. Скроги, Г. Т. Франк, Х. Леон-дю Фор, Р. М. Вилсон, Г. С. Гэманн, И. Рейманн и др.

ВОРКУТСКАЯ ТРАГЕДИЯ.

Смерть Сталина была, бесспорно, самым большим политическим событием во внутренней жизни Советского Союза.

В среде заключенных она произвела огромное впечатление. Все мы прекрасно отдавали себе отчет, что переворота не будет, но мы все же лелеяли какие-то надежды о некоторой перемене в лучшую сторону, о небольших свободах, о приходе каких-то, может быть, новых людей. Мы знали, что второй такой крупной, в гадком смысле, фигуры, как Сталин, коммунистам не найти. Мы знали, что они, возможно, найдут еще более кровавого палача, но такого хитрого и беспринципного, законченного негодяя им больше не найти. В уме и в разговоре перебирали возможные имена нового диктатора, говорили и о возможном коллективе, базирующемся не на дружбе и бескорыстии, а на страстной ненависти, зависти и недоверии всех сталинских сатрапов. Начавшаяся на коммунистических верхах поспешная, судорожная перетасовка, только подтвердила наши предположения. Никто не мог с уверенностью сказать, что будет дальше, но мы знали одно: — сталинская эпоха закончена! Могут еще быть отрыжки сталинизма, но какая-то перемена должна настать. Лагерная администрация чувствовала себя как бы смущенно. Нерешительно. Они тоже сознавали, что прежнее кончено и не знали, что им ожидать от будущего. Ведь в Советском Союзе за долгие годы сталинской диктатуры все привыкли к слепому без рассуждений, повиновению. Если «сверху» не придут приказы, чекисты не будут знать, что им следует не только делать, но и думать. Меньше всего они рисковали, что-либо говорить. Они, впрочем, как и мы, заняли выжидательное положение.

Амнистия 27-го марта 1953 года больно ударила по всем политическим заключенным. В то же время, миллионы воров, бандитов, убийц, людей, подверженных самым жутким порокам обрели неожиданную свободу. Мы же, ставшие без вины виноватыми, жертвы сталинской подозрительности и мании преследования, те — чья вина заключалась только в том, что они любили свою родину, народ, желали ему настоящего добра, не по сталинскому прописанному рецепту — продолжали безнадежно томиться в лагерях.

Со «свободы», через вольнонаемный персонал или через новоприбывших из тюрем «пополнений», мы узнали о жуткой волне преступлений, затопившей несчастную Россию. Почти ежедневно в нашу лагерную больницу, как самую близкую

к железнодорожной линии, доставляли обезображенные трупы, обнаженные тела людей ограбленных и выброшенных из окон вагонов ехавшими в поездах только что освобожденными и сразу же «загулявшими» бандитами. Убийство катилось по стране. Бандиты убивали друг друга, сводя старые счеты, в поездах и на станциях. Их путь на «свободу» отмечался грабежами магазинов, складов, квартир, станционных буфетов, убийствами милиционеров, изнасилованными женщинами и подростками. Многие из них не успевали выехать за пределы Коми АССР, как уже с новой судимостью, по новому делу, возвращались назад на свое старое, «тепленькое» местечко, в тот же самый лагерь.

Кремлевцы успели на быстроту «шлепнуть» Берию, но и это событие не отразилось на заключенных политических лагерей. Так мы дальше и ходили с нашитыми на шапку, над правым коленом, на спине между лопатками, напечатанные на грязных кусках бязи номера каторжан. Все так же на ночь нас запирали наглухо на висячий замок в вонючих, переполненных бараках и ставили в жилое помещение заражавшую воздух деревянную кадку — бессменную «парашу». Все так же на окнах оставались толстенные, сделанные из автомобильных рессор, решетки! Без перемен, по утрам, конвоиры на разводе рапортовали своему командиру: — «Товарищ лейтенант! 250 врагов народа под охрану принял»! А мы, заключенные, каждый день слушали, стоя в угрюмом сером строю этот бессмысленный, оскорбительный и унизительный для каждого из нас рапорт. Все так же... Да разве можно перечислить все отвратительные и унизительные «все так же» нашей жизни в концлагере?

Люди мрачнели и замыкались в себя. Блеснувшая на горизонте искорка надежды погасла. Погасла, несмотря на то, что в Кремле никто не чувствовал себя уверенным, несмотря на то, что там никто друг другу не верит. Берия подтвердил это самым наглядным образом. Всем заключенным Воркутинского «Реч-лага» это было ясно без разговоров. Одна мысль и одна идея захватывала людей все сильней и крепче: — добиться свободы во что бы то ни стало!

ЗАБАСТОВКА

Наступил конец июля. Заполярное, короткое и бледное лето было в разгаре. Солнце не уходило за горизонт и своими косыми лучами озаряло тундру день и ночь. Как будто бы

хотело вознаградить нас за все, чего мы были лишены за долгие десять месяцев зимы. Расцвели диковинные цветы, не имеющие аромата. Появились какие-то маленькие пестрые и шустрые птички, торопившиеся скорее вывести птенцов и покинуть суровую и негостеприимную тундру. В лагере, обнесенном забором из многих рядов колючей проволоки, наблюдалось какое-то нервное возбуждение. Люди чего-то напряженно ждали. Чего-то, что неминуемо должно было вскоре наступить. Чего-то сурового, решающего, что должно было раз и навсегда в корне изменить их положение.

Наконец, 24-го июля 1953 года все сорок шахт комбината «Воркут-уголь», являющиеся неотъемлемой собственностью МВД-СССР, в которых работают политические заключенные, осужденные на длительные сроки заключения (в подавляющем большинстве на 25 лет принудительного труда в И.Т.Л.) — объявили забастовку. Это был неслыханный в истории СССР случай! История не только неслыханная и небывалая, но и весьма неприятная для советской экономики. Вдруг, внезапно, прекратился ежедневный прилив 120.000 тонн драгоценного угля! Индустриальный центр Ленинграда и промышленность Прибалтики ощутили это сразу же. Приток угля шел ежедневно, как ежедневно он и расходовался. Промышленность была парализована. Удар был тяжелый и неожиданный. Зазнавшиеся и ожиревшие на «туфте» начальники схватились за голову. Оказалось... что запаса угля вообще не было.

У нас был создан лагерный забастовочный комитет. Люди согласившиеся войти в него — шли на верную и неизбежную смерть. Это знали и избиратели, и избираемые. А все же общий порыв, жажда свободы, или хотя бы изменения положения, были так велики, что никто не отказывался от этой высокой и в то же время самоубийственной чести.

Никто не надеялся, что забастовка в Воркуте будет первой ласточкой, которая должна сделать весну в России. Все знали, что раньше или позже чекисты справятся с забастовщиками и переловят тех, кого они посчитают зачинщиками. Всех их пошлют на «шлепку». Вытравят до конца, чтобы и семени не осталось на будущее, для того, чтобы нагнать страху на остальных.

МЫ ПРЕДЪЯВЛЯЕМ ТРЕБОВАНИЯ.

...Комитет забастовщиков предъявил чекистам условия, при

которых заключенные согласны снова взяться за работу. Эти условия были, справедливо говоря, более чем умеренными и миролюбивыми. От чекистов требовалось следующее:

1. — Возвращение политической и личной свободы.

2. — Постепенный пересмотр всех дел и освобождение всех политических заключенных.

3. — Возвращение на родину всех иностранцев, находящихся в лагерях.

4. — Постепенный роспуск по домам из лагерей всех заключенных советских граждан.

5. — Роспуск по домам всех военнопленных, без различия национальности и подданства.

Из этого было видно, что борьба за свободу началась решительная и недвусмысленная. Заключенные удалили из лагеря всех эмведешников-офицеров, надзирателей и остальной административно-чекистский персонал. Комитет взял в свои руки управление лагерем. Все продукты в складах были взяты на учет. Питание для всех заключенных, кроме, конечно больных, находящихся в больнице, было строго рационировано.

Порядок и дисциплина сохранялись образцово. Никаких инцидентов не было.

Человек около двадцати заключенных, о которых имелись определенные и неопровержимые сведения, что они занимались доносами и были причиной многих больших неприятностей, даже с трагическим окончанием, были призваны к ответу. Был выбран суд. Прокурор и защитник. Над обвиненными в доносах было произведено следствие с допросом свидетелей и сделана очная ставка. Суд вынес, по сравнению с сделанными преступлениями, очень милостивый приговор. Каждому из них на грудь повесили плакат с надписью — «доносчик»! С этими плакатами на груди они обошли все бараки нашего лагерного пункта и рассказывали о своих подлых доносах и гнусных деяниях... Они каялись в клевете на товарищей и клялись, что никогда больше таким способом не будут добиваться каких бы то ни было привилегий для себя. Их клятве можно было верить вполне. Разоблаченный доносчик никакого интереса для чекистов больше не представляет. Они сами стараются от него избавиться, отправляя его на работу в такие места откуда редко кто возвращается или туда, где разоблаченного «стукача» ожидает беспощадная расправа заключенных. Разоблаченные доносчики сами чувствуют, что их песенка спета и что в будущем их ожидает если не смерть, то общее презрение и полное одиночество.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К РЕШИТЕЛЬНОЙ СХВАТКЕ.

Лагерный комитет издал распоряжение — ни в коем случае первым силу не применять, но уже 25-го июля три человека — оберштурмфюрер (старший лейтенант) Хекки Яровари, финн по национальности, служивший в немецких частях, и два югослава, Блисич и Милорадович, не выдержали и, вооружившись двумя пожарными огнетушителями, совершили нападение на сторожевую вышку, на которой находился солдат-часовой. имевший в своем распоряжении пулемет и ручные гранаты. Нападавшие залили углекислотой глаза часового, перелезли через колючую проволку, отняли у ослепленного солдата ручной пулемет с патронами, ящик гранат, ракетный пистолет и ящик осветительных ракет.

Другая группа, по примеру первой, таким же способом разоружила еще две вышки. С остальных вышек часовые ушли сами, захватив все снаряжение.

К этому времени всем уже было ясно, что переговорами свободу мы не получим. Только борьба не на жизнь, а на смерть может привести к каким-либо результатам.

В лагере началось лихорадочное подготовление к предстоящей схватке. Из аммонала и динамита, которых в шахтах было изобилие, начали приготовлять ручные гранаты, употребляя для этого пустые консервные банки. В лагерной кузнице спешно ковались топоры, ножи и даже наконечники для... копий. Мастерили какие-то палицы, нечто вроде старинных «шестоперов» или «насек» и даже просто самые примитивные дубинки усаженные гвоздями. Не было ни одного заключенного, который не запасся бы каким-нибудь оружием, в зависимости от своего умения и силы. Даже всеми презираемые «стукачи» и те вооружались кирками, насаженными на длинные рукояти.

«ГЕРОЙ КАТЫНСКОГО ЛЕСА» ЖЕЛАЕТ ГОВОРИТЬ!

26-го июля, в лагерь пришел, или, вернее просил разрешение войти, генерал войск МВД, Деревенько, начальник Воркут-лага. Деревенько был —герой Винницы и Катынского леса», как его прозвали заключенные.

Презренный «герой» уничтожения десятка тысяч польских офицеров в Катынском лесу, «герой» события, которое в свое время вызвало ужас во всем цивилизованном мире и было приписано ошибочно немцам, — решил лично поговорить с заключенными. Его сопровождал только один адъютант. Шел он, безусловно, не по доброй воле. У обоих вид был

напуганный и жалкий. Конечно, только встревоженный, свирепый окрик «сверху» из Кремля мог заставить Деревенько решиться на такой шаг.

«Герой» и его адъютант получили разрешение от нашего лагерного комитета войти. Они шли медленно. Видно было, что они в любой момент ожидали удара. Они боялись, что их разорвут на куски. Те, кто был поближе и видел «генерала», рассказывали, что у него дрожала нижняя челюсть. Он хотел что-то сказать, но вместо слов из его горла выходили только какие-то нечленораздельные звуки.

Член лагерного забастовочного комитета, Валентин Виноградов, снисходительно и презрительно успокаивал Деревенько и обещал ему и его адъютанту абсолютную личную безопасность.

Заключенные громко смеялись, видя своего палача таким жалким и напуганным.

Из толпы слышались крики:

— «Чует кошка, чье мясо съела! Это тебе не Катынь!»

Наконец генерал Деревенько собравшись немного с духом, обратился к заключенным с призывом снова стать на работу, не поддаваться «провокации разных авантюристов и иностранных агентов», а он, Деревенько, со своей стороны гарантирует, что кроме зачинщиков и подстрекателей, никто наказан не будет. Лагерники должны, мол, доказать, как они любят Родину, и как они, де, стоят на страже интересов страны. Деревенько же, лично, всеми силами будет заступаться перед правительством и министерством внутренних дел и просить, чтобы заключенным, которые будут себя примерно вести и хорошо работать, дали «некоторые облегчения» и даже, чтобы питание было «до некоторой степени» улучшено!

Предложения Деревенько вызвали в толпе насмешливый хохот и выкрики. Некоторые иронизировали, что с помощью Деревенько, в лагеря прибудут жены и семьи.

После «воззвания генерала МВД» из толпы заключенных вышел Александр, Сашка Камышев, стал прямо перед «героем» и сказал:

— Смотри, генерал! Все, что ты перед собой видишь, да и вся Россия, сколько ее есть, от края и до края, выстроена рабским трудом! Всюду лежат наши кости. Вся земля вспоена нашей кровью и нашим потом! Весь народ стонет от мук, в то время как вы, кровавые кремлевские палачи, готовите рабские цепи и муки всему человечеству. Народ мрет от не-

посильного труда и голода, а вы со своими семьями живете в полном изобилии и богатстве! Ведь ты сам, генерал, руководивший уничтожением сотен тысяч человек, сам ведь не веришь своим словам и обещаниям! Как же ты хочешь, чтобы мы тебе верили?!. Здесь ты никого не обманешь! Здесь ни один человек не верит ни одному слову чекиста. Мы вас хорошо знаем! Нам довольно лжи и обмана. Убирайся отсюда, покуда цел. Тебе дали честное лагерное слово, что живым выпустят — цени его. А там, в Москве, скажи, что, свобода для России настанет тогда, когда всех вас коммунистов, как крыс перетравят! Понял? А до тех пор будет борьба тяжелая и кровавая. Беспощадная борьба. Нам жалеть нечего. Ни жизни, ни крови!..

Генерал Деревенько молча, не прерывая слушал Сашку. Он как-то весь сжался. Лицо его было пепельно-серого цвета. После Камышева больше никто не говорил. Своими простыми, скупыми словами, он сказал все то, что лежало на сердце у каждого.

«Гости» повернулись и зашагали к воротам, около которых толпа была самой густой. Насколько ближе они подходили к заключенным, настолько быстрее становились их шаги. Толстый, коротконогий адъютант должен был перейти в рысь, чтобы поспевать за своим начальником.

АМЕРИКА НАМ ПОМОЖЕТ!

Под вечер того же дня начала работать импровизированная забастовочная радиостанция. Аппаратура была срочно сконструирована бывшими между заключенными спецами, радиоинженерами.

Услышал ли свободный мир призывы о помощи, жалкое С.О.С. лагеря Воркута? Нам это осталось неизвестно. Заключенные обращались ко всему миру на всех языках. Они просили поддержать рабов в их борьбе за свободу!

В тот момент, если бы ветер понимания подхватил нашу искру борьбы за право человека, нужно было так немного, чтобы весь север России, все лагеря с заключенными были охвачены пламенем восстаний. К лагерникам присоединилось бы все население. Ведь это все было подобно сухой соломе, ожидавшей только спички, чтобы вспыхнуть всеочищающим огнем.

... Около полуночи подача тока прекратилась. Радиостанция Воркута перестала жить.

Новый луч надежды принесла какими-то судьбами попавшая в лагерь московская газета «Правда», в которой цитировалась речь Даллеса, призывавшего рабочих и крестьян, находящихся под гнетом коммунизма, к отпору и забастовкам. К кому это относилось? К несчастным рабам СССР или только к сателлитам — мы не знали. Мы верили в то, что Америка поможет восставшим всеми средствами, даже оружием, где бы не вспыхнуло пламя отпора насильникам.

Психоз масс был настолько силен, что люди стали прислушиваться — не слышен ли звук моторов тяжелых американских самолетов, несущих нам оружие и боеприпасы. Все ожидали помощи западного мира. Мы готовы были перейти в наступление. Освобожденная Воркута поставила бы в ряды бойцов за свободу 140 тысяч заключенных. Они бы бесстрашно двинулись на Москву сметая все по пути, как снежный ком разрастаясь и включая в свои ряды все новых и новых людей...

Мы верили... Мы формировались в роты, батальоны... полки.

Назначали и выбирали командиров!

Среди заключенных было множество офицеров с большим опытом. Офицеров любых армий и любой национальности.

Все население нашего лагерного пункта, то есть 3200 человек было готово ринуться в бой. В бараках заседали «ген. штабы», разрабатывая не только план наступления, но и план обороны нашего лагеря.

... А американских самолетов все не было!

Так, в лихорадочных приготовлениях, в приливе и отливе надежд и веры, проходило время, без каких-либо выступлений с обеих сторон — МВД и лагерников.

И мы, и чекисты ожидали помощи. Мы из Америки. Они из Москвы. Эмведешники дождались своего, а «американская помощь» никогда не пришла!

ТРЕВОГА.

1-го августа 1953 года в 5 часов в лагере была объявлена общая тревога. Все заняли свои, заранее обдуманные места для обороны.

Издалека, в просторах тундры виднелась приближающаяся к нам колонна больших грузовых автомашин. Мы насчитали — 12. В них сидели, голова к голове, солдаты специальных войск МВД. Солдаты, человек по 50 в машине, были, видимо, в самом прекрасном расположении духа. Они были украшены

зеленью и цветами. Ясно было, что они получили хорошую зарядку водки, чтобы меньше думали, меньше чувствовали, выполняя свою гнусную задачу.

Забегали вокруг лагеря эмведешники. Как муравьи они возились, устанавливая на отдаленных сторожевых вышках и на столбах громкоговорители, с помощью которых вскоре нам было объявлено, что через 10 минут с нами опять будет говорить генерал Деревенько. Вскоре прибыл на легковой машине и сам генерал. Его автомобиль сопровождали два грузовика с солдатами войск МВД.

Все солдаты, вооруженные автоматами, выпрыгнули из грузовиков. Они заняли боевой порядок, выстроившись в две шеренги вдоль фронта лагеря, по ту сторону ворот и колючей проволоки.

Их численность была равна батальону. Весь лагерный пункт ожил. Бесстрашно все заключенные, 3200 человек, собрались в полосе ворот лагеря. Молча ждали, что опять предложит «Катынский герой». Защелкали, запищали громкоговорители и наконец послышался уже знакомый голос Деревенько.

На этот раз его голос больше не дрожал от страха. Он был полон трудно сдерживаемой злобы и угрозы. Генерал требовал от нас безоговорочной сдачи. Давал 5 минут времени, приказывая всем выйти вон из лагеря и сложить наше доморощенное и благоприобретенное оружие в кучу. Текли минуты, тяжелые и длинные, как вечность. Люди с обеих сторон стояли молча и не двигаясь. С нашей стороны никто не думал выйти и сдаться на милость чекистов. Прошло назначенное время. Ясно было видно, как генерал по ручным часам следил за сроком. Запищал громкоговоритель. Генерал приказал врачам и младшему медицинскому составу из заключенных быть на своих местах в больнице и приготовиться к работе.

— Что это? Неужели же в нас будут стрелять? — спрашивали мы друг друга, зная о законе, запрещавшем открывать огонь по заключенным, не вышедшим за «запретную зону».

Впрочем, мы знали о случаях нарушения этого закона. Нас уже ничем нельзя было удивить.

— Стрелять будут в воздух! — говорили между собой заключенные. — Это «пущают дреф», запугивают!

... и в тот же момент из более чем 400 автоматов была открыта стрельба в безоружную плотно сбитую толпу. И не в воздух, а прямо в мясо. Передние ряды дрогнули. Несколько

десятков человек упало. Толпа взревела. Слышны были стоны и проклятия. Мертвые и раненые поили своей кровью холодную заполярную тундру.

В стрельбе настал перерыв. Солдаты меняли диски в своих автоматах. Воспользовавшись этим мгновением, огромная толпа лагерников нажала на большие лагерные ворота. Они с треском рухнули, и люди хлынули серой волной наружу.

Началась тяжелая, неравная борьба между вооруженными чекистами и почти голорукими заключенными.

С палками, камнями, самодельными пращами в руках лагерники бросились на пулеметы и автоматы. Ряды сошлись и началась одиночная, рукопашная схватка.

Страха смерти ни у кого не было. Слышны были тупые удары, одиночные короткие трели пулеметов и сухие взрывы ручных гранат...

Десятки, сотни убитых никогда больше не увидят своих близких. Бесконечно усталые и измученные они больше не будут ни страдать, ни горевать, скучая по семье, жизни, свободе, цветам и зеленым рощам, вместо вечной и безграничной снежной пустыни, которая почти круглый год слепила глаза своей белизной.

ЧЕКИСТЫ ЗАМЕТАЮТ СЛЕДЫ.

... «Геройский поход» чекистов против заключенных закончился, конечно, их полной победой. Однако, она стоила им тоже около семидесяти человеческих жертв. Двести семьдесят четыре заключенных было убито и свыше трехсот ранено. Они кровавыми пятнами лежали на пространстве нескольких сотен квадратных метров.

Бой кончился полным триумфом генерала Деревенько. Лагерники были загнаны обратно за проволоку. Ворота заделаны наскоро проволокой и забиты досками. Трупы скалдывались с наружной стороны штабелями, как дрова. Многих погибших никто не мог опознать. Толпа топтала тела. Страшно было смотреть на раздавленные лица. В больнице и около здания рядами лежали раненые. Многие умирали тут же от потери крови и тяжелых ран.

Три дня и три ночи наши друзья, заключенные-врачи, с пепельно-серыми от пережитого и усталости лицами, непрерывно работали, стараясь для чего-то спасти тех, кому лучше было умереть. Человеческое чувство диктовало им это делать. Одна за другой совершались операции. У крыльца боль-

ницы целой горкой лежали ампутированные руки и ноги.

Деревенько, наученный опытом следствия в Катыни и Виннице, приказал врачам заняться немедленно вскрытием трупов для извлечения из них пуль и осколков. Новая международная комиссия, если такая будет, никогда не установит причину смерти воркутских жертв. Может быть обвал в шахте, может быть неумелое употребление динамита и аммонала... или дикая драка между заключенными?

Для наблюдения за точным исполнением этого приказа, к каждому врачу были приставлены по два офицера-чекиста, считавших раны на трупах и извлеченные из них пули и осколки гранат. Очевидно, это мясничье дело, как нельзя лучше отвечало настроению эмведэшников. Они сами вооружались скальпелями и с видимым удовольствием ковыряли, резали и потрошили тела людей, отдавших жизнь за иллюзию свободы. Отыскивая пули, они их... брали на память. На память о тех, кто предпочел уйти от прозябания, на которое без вины виноватый был осужден двуногими извергами.

СВОБОДА ИЛИ СМЕРТЬ.

Прошло два дня после кровавой воркутской бани. В лагере появилось воззвание уцелевших членов забастовочного комитета. В нем говорилось, что борьба за свободу только начинается. Что не надо терять надежд. Говорилось, что, конечно, падет еще много жертв, но свобода должна быть завоевана. В нем говорилось, что весь цивилизованный мир, конечно, узнает о наших жертвах, и что он нам поможет в этой неравной борьбе, ибо там — за Железным Занавесом — по ту сторону уже знают, что пора, ох как пора, бороться плечо к плечу, локоть к локтю с нами, если свободные люди не хотят попасть под стальную пяту коммунизма.

Не надо жалеть крови. Не надо оплакивать павших, — писали в воззвании. Их надо вспоминать как героев. Ими надо гордиться. Во имя их жертв надо идти на новые. Саботируйте на работе! Уничтожайте и ломайте машины! Продолжайте борьбу без страха. Если мы победим, Россия удет освобождена и перестанет быть международным пугалом. Мы станем спасителями человечества и цивилизации. Мы смоем пятно позора с России.

Воззвание было подписано: «Свобода или смерть!» Сам факт, что части зачинщиков удалось избежать ареста и ликвидации, показывал, как сплочены лагерники. Фраза же,

которой заканчивалось воззвание, звучащая пошло и затаскано в условиях нормальной жизни, там, на Воркуте, была понятна. Там она звучала грозно, гордо и правдиво.

Я верю, что борьба продолжается и сегодня. Разосланные по другим лагерям из Воркуты участники забастовки и боя разнесли с собой семя борьбы за свободу, сознание своей силы, моральной силы и низменного страха чекистов.

Все чаще и чаще доходят слухи о новых волнениях и вспышках. О многих, о большинстве восстаний сведения вообще не просачиваются в равнодушный свободный мир, старающийся жить без потрясений. Там, за Железным Занавесом, непрерывно льется кровь и поток прекратится только после полного освобождения нашей Родины.

ЖЕРТВЫ НЕ БЫЛИ НАПРАСНЫМИ.

Наша кровавая жертва и смерть сотен героев не прошли бесследно. Обе стороны, и заключенные и чекисты, сделали свои выводы.

МВД поняло, что им все же не справиться с многомиллионной массой заключенных, если они их будут доводить до отчаяния, близкого к безумию. Нужно как-то так вести свою политику, чтобы «закручивание гаек» не производилось одновременно во многих лагерях. Времена меняются. Смерть главного тирана и растерянность нового коллективного правительства сказались на жизни лагерей. Наемные палачи МВД наконец столкнулись с настоящим все возрастающим сопротивлением и их пыл сильно остыл. Вряд ли они с охотой, украшенные зеленью и с песнями пойдут вторично на подобный «пикник».

Обращение личного состава лаг-администрации (чекистов) с заключенными изменилось в корне.

Появились улыбки на лицах, шутки и прибаутки. Запомнились многие имена и даже отчества заключенных. Стали чаще делаться легкие намеки на то, что мы, мол, сами понимаем, что так нельзя, но мы, дескать, людишки маленькие, подневольные, зависимые. У нас ведь тоже семьи... Мы делаем, как сверху укажут, но, если можно..., мы смягчаем.

Тон разговора заключенных с начальством тоже сильно изменился. Слух о Воркуте пролетел всюду и, в случае чего, это восстание служит темой для угрозы.

Особенно в самой Воркуте совместно пережитое еще больше сплотило людей. В их среде работа «стукачей» и «сексо-

тов» стала настолько опасной, что чекистам стало просто невозможно вербовать их даже среди самых отпетых. Информации не поступают и оперативный отдел гуляет в потемках.

Вспоминается сегодня сентябрь 1953 года. Внезапно пришло разрешение писать не два письма в год, как было раньше (из которых одно принципиально не доходило), а ежемесячно по одному. Еще через несколько недель сняли решетки с окон и перестали запирать бараки на ночь. Обыски в жилых помещениях стали делаться редко и поверхностно. К новому 1954 году пришло разрешение писать два письма в месяц. Нужен был уголь и шли на уступки. Вскоре потерялся счет письмам. Сохранено было только право цензуры.

Номера с одежды были сняты сразу же после восстания. Появилось новое обращение: вместо «врагов народа» — — «граждане». Но все это были мелкие уступки по сравнению с лишением свободы и непосильным трудом. Хотя нас утешали, что, мол, в СССР никто не имеет свободы и все работают непосильно. Разница только в том, что нас «кормят и одевают на казенный счет»!

Заключенные не дают себя успокоить подобными прибаутками. Их цели и стремления остались теми же и они добиваются их осуществления.

«Свобода или смерть» и дальше осталось лозунгом всех полит-заключенных.

Борис Ганусовский.

БЕЗУМИЕ УПОРСТВА В СОРЕВНОВАНИИ ВЕЛИКИХ СИЛ.

Вот уже четвертое десятилетие подходит, как было отпраздновано завершение Второй мировой войны: победителями в неистовой радости, побежденными с облегчением и надеждой на сносное существование. Война эта велась под лозунгом: «воевать — чтоб прекратить навсегда все будущие войны»! Народы призывались претерпеть все лишения, несчастья и, даже, жертвовать своей жизнью во имя будущего, счастливого устройства мира. Каждая из воюющих сторон, этот новый мир понимала соответственно своим политическим принципам и вкусам, с желанием навязать этот принцип и волю свою горе-побежденным народам.

Сбылись ли мечты лучших людей прошлого поколения? Оправданы ли все тяготы и жертвы Мировой войны, в дости-

жении настоящего благополучия всего человечества?

Нет! После Второй мировой войны не оказалось действительного и полного победителя и главная цель — прекращение будущих войн не была достигнута. Сразу же, по прекращению военных действий, образовалось два враждующих лагеря, разделенных «железным занавесом» и началась т. н. «холодная война» между Великими силами.

Мор от голода, политические насилия, революции, войны местного характера — вот обычное явление наших дней! За это время произошло больше СТА военных столкновений между народами пяти континентов, но без объявления войны противнику! США претерпели больше военных жертв в Азии, чем за прошлые две Мировые войны. СССР несет потери в Афганистане. Великие государства оказывались втянутыми в новые войны. И худшее еще ожидается.

Сейчас все говорят и думают о безумии будущей «атомной войны». Над человечеством повис какой-то психический кошмар. Противники подсчитывают друг у друга количество атомных бомб и стараются обладать численным перевесом, чтоб запугать соперника-врага силой своего «ядерного» вооружения. Все материальные и духовные силы народов губятся в этом бесконечно безумном соревновании. Уже каждая из враждующих сторон имеет и накопила больше десяти тысяч атомных бомб, добиваясь первенства и мощи своего ядерного оружия над неприятелем.

А ведь ученые подсчитали, что достаточно взорвать, только, две тысячи этих ужасных бомб, чтоб наша земля была отравлена радиацией на десятки лет! Как же прокормиться пережившее атаку население, которое будет загнано в пещеры? Какое безумие, какая чудовищная перспектива и для победителя! Цивилизация человечества вернется к «пещерному» периоду.

Несмотря на все эти, вопиющие о человечности и требующие осторожности, факты — великие силы упорно ведут соревнование в вооружении, готовя погибель не только врагу, но и себе. И, кажется, что нет силы способной остановить это безумное шествие вожаков человечества, приближающее нас к последним дням нашего прекрасного мира.

А, ведь, как легко все это можно изменить и отклонить надвигающуюся катастрофу нашей земли. Общий мир зависит только от доброй воли двух великих сил — США и от СССР. От них зависит не забрасывать друг друга атомными

бомбами и не давать другим государствам эти бомбы, чтобы не начали эту «чертову игру» в Третью и Последнюю мировую войну.

Зачем упорное и недружелюбное соперничество этих двух великих государств? Кому это нужно, кто подстрекатель?

Никогда русский и американский народы не были врагами. Это есть историческая истина и нет никакой причины, действительному, сомнению в их дружественном отношении друг ко другу.

Царская Россия, фактически, помогла создать американцам свое государство, заслонив восточное и западное побережье Америки своим флотом от притязаний колониальных владык, когда американцы боролись за свою независимость. Император Александр II Освободитель, фактически, подарил Аляску США, чтоб показать нашу незаинтересованность в Американском континенте и наше добрососедство к ее народу. Со своей стороны, американский народ два раза помогал нашему народу в борьбе с немецкой агрессией в двух мировых войнах.

Так, почему же этим народам не жить в мире и дальше? Почему бы США и СССР не заключить между собой «согласие о ненападении» или же «дружественный союз» на пять десять или двадцать лет и освободить наше поколение и, даже, следующее поколение от ужаса и гнета ожидания атомной войны со всеми роковыми ее последствиями.

Это освободило бы фантастические по величине суммы, в тысячи биллионов валюты, которые затрачиваются на обновление и поддержание высокотехнического вооружения ежегодно; этот капитал дал бы возможность улучшить жизненные условия народов и доказать свое истинное человеколюбие и заботу о всем человечестве, не на словах, а на деле!

Идея «общего разоружения» может показаться наивной или мечтой идеалиста. Но, эта идея не нова и уже, частично, проводилась в жизнь. Еще до Первой мировой войны, Святой Царь-Мученик Николай II предложил эту человеколюбивую идею европейским государствам. Не все откликнулись на этот благородный призыв нашего Государя-Многомученика, а, все же, международный закон о более гуманном ведении войны был принят. Созданный тогда международный, арбитражный суд в Гааге, для решения споров между государствами, и до сих пор действует. Тогда же, Российский Император положил духовную основу для будущих организаций: «Лиги Наций» и «Объединенных Наций», обоснованных на Его идеа-

лах. Тут уместно будет вспомнить слова президента США, Гардинга, сказанные в 1921 году: «Предложение ограничить вооружения путем соглашения между державами — не ново. При этом случае быть может уместно вспомнить благородные стремления, выраженные 23 года назад в императорском рескрипте Его Величества Императора Всероссийского».

Провести в жизнь такое идеальное, мирное соглашение Великих Сил зависит от доброй воли и мудрости властей. На эту «волю» уже начинают давить народные массы, протестующие против «ядерного оружия», во многих городах Запада и Америки. В СССР, также, думают, но не смеют протестовать явно. Я видел на телевизионном репортаже, как один советский юнкер заявил: «атомная война не даст победителя»!

Такое же мнение и всего мирного населения земли нашей, которую безумцы хотят искалечить атомными ракетами.

Так, будем же надеяться, что эта добрая воля восторжествует до того, как начнут падать на города эти ужасные атомные бомбы, пока можно спасти нашу прекрасную планету. К чему упорство против воли народа?

Русские патриоты уверены, что национальная Россия сейчас непременно бы заключила мирный договор не только с США, но и с Европой, т. к. на это была святая воля Царя-Многострадального.

В миролюбии России нельзя было сомневаться. Вся наша государственная история доказывает, что русский народ никогда агрессором не был, а принужден был лишь, всегда, вести оборонительные войны на своих границах.

И многие, губители России в 1917 году, должны серьезно задуматься: зачем было уничтожать миролюбивое русское государство тогда, чтоб теперь создать себе угрозу постоянной «красной опасности».

«Мне отмщение и Аз воздам».

Будем же надеяться на милость Божию, да бы Всевышний охранил нас от безумия гордых людей.

Мельбурн. 27-3-1983 г. **И. Ф. Охотин.**

«РУССКИЙ КАДЕТ НА ЧУЖБИНЕ».

Весна 1944 года. Белая Церковь. Банат — Югославия. Кончился учебный год. Последний 24 выпуск сдавал матуру. Кадеты разъехались на летние каникулы, надеясь осенью вновь, как прежде, встретиться в стенах родного корпуса. Гремела Вторая мировая война. Немецкие войска отступали на всех

фронтах. С востока молниеносной быстротой надвигалась, к границам Сербии, Красная армия. У многих русских проживающих в Сербии была надежда, что Союзные войска, занявшие уже Грецию, займут и весь остальной Балканский полуостров. Но судьба сулила другое. И как четверть века тому назад, после ожесточенной борьбы с коммунизмом у себя на Родине-России, белые воины покинули свою родную землю, уходя в изгнание, так и теперь им вновь нужно было покидать приютившую их страну Югославию и уходить в неизвестность. В полном напряжении проходило лето 1944 года. Югославия, после окупации немцами в 1941 году, была расчленена на мелкие государства: Сербия, Хорватия и Словения стали самостоятельными государствами. Банат был под немецкой властью, Македония (Вардарска Бановина), была отдана немцами Болгарии.

Большинство русских группировалось в Сербии, с главным центром в городе Белграде. Здесь, в «Русском Доме», на улице «Кральице Наталии» 33. была сосредоточена вся жизнь русских эмигрантов. Сюда и мы, кадеты, приходили ежедневно узнавать о дальнейшей судьбе Кадетского Корпуса, а также и о нашей личной судьбе. Наконец появилось объявление о том, что все кадеты, желающие эвакуироваться вместе с Корпусом, должны рано утром, 9 сентября, собраться в Русском Доме. Нам было сказано. что мы едем в Германию и там сможем продолжать наше образование. Корпус, как таковой будет существовать там. Разрешено было и желающим родителям ехать вместе с корпусом. Среди собравшихся было много кадет и желавших поступить в Корпус, приехавших из провинции. В большинстве это были дети воинов Русского Охранного Корпуса в Сербии, в рядах которого было не мало кадет. Город Белград, расположенный на правом берегу, при слиянии, двух больших рек Дуная и Саввы. Мост через Дунай был взорван. Единственное сообщение с левым берегом, т. е. с Банатом, было паромом. Всех собравшихся повели на пристань реки Саввы, где погрузили на паром. Впереди плыл другой паром, а перед ним — тральщик, так как воды обеих рек были заминированы самолетами союзников. Проплывая мимо парка «Калемегдан», вспомнили как часто мы приходили туда гулять, весело и беззаботно проводя летние каникулы. На пароме царила тишина. Не слышно было ни песен, ни шуток.

День выдался теплый и солнечный. Сидя на своих чемода-

нах, мы любовались красивой панорамой Белграда. Вот и взорванный мост через Дунай, с торчащими из воды, железными балками. Вспомнили как зимою 1942 года, группа кадет направляясь в Корпус, в лютый и снежный мороз, шла пешком по замерзшему Дунаю. Слава Богу, добрались благополучно, до берега Баната. Выгрузившись с парома, нас направили на полотно железной дороги, куда должен прибыть поезд, который нас доставит в Белую Церковь. Я оказался одним из старших в этой группе. Потеряв связь, после войны 1941 г., с родными и родным домом, Корпус всецело стал для меня родным уголком, и все что связано с Корпусом стало дорогим и близким. Прибыл поезд. Кадеты разбрелись по вагонам. Остался на платформе последнего вагона, чтобы еще раз, может быть в последний, взглянуть на город Белград, где было так много пережито, где пролетели мои юные дни.

Поезд медленно набирал скорость. Еле виднеется купол церкви св. Марка и ярко блестят багряным цветом, освещенные заходящим солнцем, окна высокого здания «Албания». Поворот и все мигом исчезло. Грустно и тяжело стало на душе. Из вагона доносились звуки родной песни: «Дружным, кадеты, строем сомкнитесь. Смело мы грянем песню свою...». Все громче и стройней разносилась песня по вагону. Нежным чистым дискантом ведет кадет 3-го класса: «Помню, как в Корпус — путь далекий, мать провожала меня...». Громко и радостно подхватывают все кадеты последние слова нашей песни: «Смело, кадеты, славная служба вас ожидает впереди...»

В час ночи, 10 сентября, мы приехали в Белую Церковь. В корпусе ожидал нас дежурный офицер полк. Н. Е. Филимонов, и объявил нам, что отъезд намечен на 12-9. Все уснули усталым сном. Только ночной дежурный дремал у столика. Рано утром, не успел еще горнист дать первый сигнал-подъем, как многие кадеты, уже стояли у дверей цейхгауза, желая скорей переодеться в форму. День был Воскресный и многие готовились пойти в город в отпуск. Вдруг совершенно неожиданно, был отдан приказ готовиться к немедленному отъезду, назначенному на 2 часа дня. К нашему отъезду ничего не было подготовлено: ни книг, ни запасной формы, даже музей стоял нетронутым. Все это надеялись сделать в течение двух оставшихся дней, но неожиданный приказ застал всех врасплох. Все засуетились. Посланы были кадеты предупредить об изменении проживающих в городе воспита-

телей и преподавателей, а также и местных русских жителей желающих с нами эвакуироваться. Многие из-за неожиданной спешки решили остаться, и не покидать уже насиженные места, тем более, что мы ехали в неизвестность.

В эти последние часы пребывания в стенах родного Корпуса захотелось молча пойти и мысленно попрощаться с тем, что так дорого было в жизни. На втором этаже: дежурка, спальня, а вот и дверь в музей. Мигом в голове пронеслись картины прошлого... Спустился вниз — зашел в лазарет, куда не раз кадеты старались «словчить» от неподготовленного урока; вот и курилка, где «курцы» проводили свое свободное время; вошел в церковь и простоял немного, мысленно помолился. Зашел на кухню, заглянул в колодец и медленно направился на задний двор. Корпусной огород, волейбольное поле, а вот и турник и брусья, провел дрожащей рукой по стали турника и приостановился. Вспомнилось, как еще зимою этого года, кадеты давали свой единственный концерт в Белграде. В театральном зале «Русского Дома», переполненном нарядной публикой. Гремел оркестр, вместе с хором исполняя «Бородино» и «Споем-ка песню мы ребята...». Отчетливо декламировались стихи и слышалось чудное пение наших кадетских песен; а вот и гимнасты... невозвратное прошлое, такое близкое и дорогое сердцу. «Кадет Кирей, наверх в музей, к полковнику Барышеву», раздалось сверху несколько голосов, «да... да... это для снятия знамени с древка», подумал кадет и быстро направился наверх. В музее хранилось все то, что нас кадет, родившихся и выросших на чужбине, вдали от России, духовно связывало со славою и величием былой великой Императорской Россией. В музее у окна стоял полк. П. Барышев. Медленно, с чувством полного благоговения, снял кадет знамя Полоцкого Кадетского Корпуса с древка и стал сворачивать. Невольно вспомнилось стихотворение «Знамя»:

«Настанет время золотое,
Минуют нас годины бед,
Высоко знамя Корпусное,
Поднимет с гордостью кадет;
И вот тогда, семья родная,
Под знамя соберется вновь.
Нас много, тысячная стая,
У нас и братство и любовь».

Наступит ли час, когда исполнятся эти заветные слова?.. На просьбу кадета взять что-либо на память из музея, полк.

Барышев категорически отказал. Весь музей попал в руки Красной армии.

В это время уже началась погрузка. К отходящему на Север, пассажирскому поезду, были прицеплены три товарных вагона. Последний вагон был как платформа и поэтому было приказано грузиться в нее только старшим кадетам. Среди кадет были и окончившие корпус, но и им было разрешено одеть форму, т. к. предполагали, что они заменят некоторых воспитателей. В числе таких кадет были вице-унтер-офицеры 23-го и 24-го выпусков. За полчаса до отъезда поезда, старший традиционер унтер-офицер 23-го выпуска М. С., приказал нам всем старшим кадетам-традиционерам, собраться в одной из спален. Напомнив нам, вкратце, о значении и смысле наших кадетских традиций, мы спели нашу «Звериаду», закончив следующими словами:

«Товарищ будь кадет-кадету,
В несчастьи смело помогай,
И наши скромные заветы,
Всегда и всюду исполняй.

А тот кто подло нам изменит,
Забыв о Корпусе родном,
И шкуру новую оденет,
Тому проклятья дружно шлем».

К двум часам погрузка кончилась. Идут последние прощанья. Не слышно обычных слов: «до скорой встречи», «до-свиданья», «пишите» — прощались молча. Пришли почти все наши преподаватели и воспитатели на вокзал попрощаться с нами. Пришли и местные жители. У многих показались слезы на глазах — ведь мы были для них, частью их родного города, прощались ведь — навсегда. Команда: «по вагонам». Свисток паровоза и поезд медленно двинулся. В углу последнего вагона торжественно развивался наш русский трех-цветный флаг. Собравшись около флага, мы запели «Звериаду» Крымского Кадетского Корпуса:

«Мы бывалые кадеты,
Поносились по волнам,
Говорят, что мы отпеты,
По колено море нам».

Все шире и громче раздавалась песня, все дальше и дальше удалялись лица провожающих. А песня лилась все громче и яснее:

«Тяжело нам на чужбине,
Не поймет нас здесь никто,
Но последней, злой кручине,
Не сдадимся ни за что».

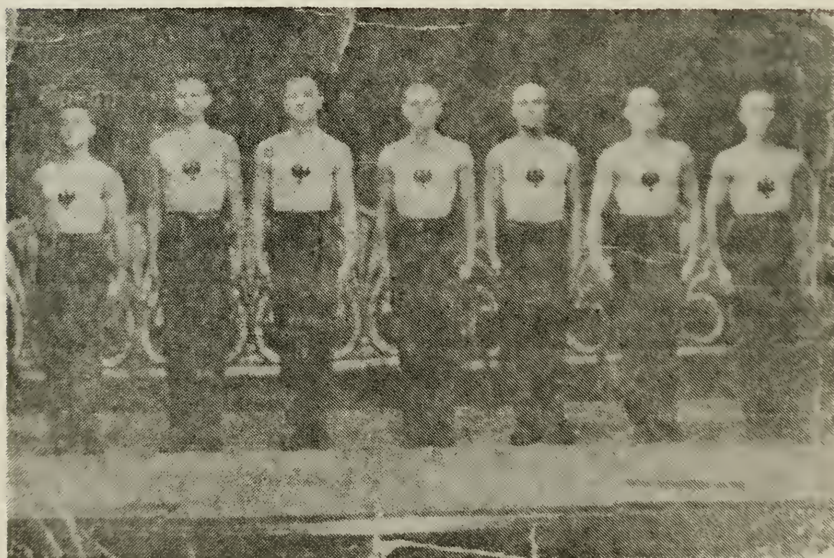
Замолкли последние слова песни. Стало грустно. Припомнились слова нашей «Звериады»:

«И оба Корпуса гонимы,
Пожаром общего огня,
Предел покинули родимый,
И гнезда старые на нем».

Вскоре молодость и свойственная ей вера в светлое будущее победили и горечь расставания и полились наши песни по Банатской равнине оставляя позади вокзал, провожающих и старое здание Корпуса. Поезд, набравши полную скорость, нес нас по равнине с пожелтевшими полями, унося нас в изгнанье.

Так, Первый Русский Великого Князя Константина Константиновича Кадетский Корпус, последний на чужбине, покинул родное гнездо — корпус, город Белую Церковь, и приютившую Корпус братскую и родную нам страну Югославию.

В. К., 26-ой вып. I Р.К.К.

Кадеты гимнасты в Белграде 16 января 1944 года

ЭТО БЫЛО В ШАНХАЕ!

Осенний промозглый день 7 ноября 1927 года. Начавшийся с утра ливень низверг на Шанхай тонны дождевой воды. Темные тучи низко плывут со стороны реки Вампу на город и кажется, что вот, вот закроют от гневных людских взоров здание советского консульства, украшенное елочными гирляндами, красными лентами и транспарантами — «10-я годовщина Октября». Краска, стекшая с флагов и лент, оставила красные полосы на стенах здания, как будто бы ветер принес с родины кровавые слезы страдающего от коммунизма народа.

Тысячи русских эмигрантов собрались в этот мрачный день мрачного торжества около советского консульства, демонстрируя свою непримиримость к советскому режиму и к палачам, справляющим свой праздник захвата власти в России. Черные, траурные повязки на рукавах пальто мужчин, траурные одежды женщин...

Здание бывшего российского консульства, недавно захваченное советскими бандитами, было непривычно освещено красными лампочками и также непривычно на флагштоке, вместо трехцветного флага, болталась мокрая красная тряпка. По бокам парадного подъезда на гранитных стенах темнели очертания снятых императорских орлов — герба старой России...

Ливень окончился. Приближался час съезда гостей, на прием в консульстве. Недалеко от подъезда находился большой черный герб с надписью «коминтерн» и макет человека, одетого спереди в цилиндр и фрак, а сзади — каторжником с ножом в руках. Фигура олицетворяла советского дипломата — такими они остались и до наших дней. Все это было сделано по инициативе Шанхайского кружка русской молодежи.

Представители мировых телеграфных агентств, корреспонденты газет, кинооператоры фотографировали, передавали по эфиру сообщения во все страны мира об этой необычайной антикоммунистической демонстрации. Собравшиеся соблюдали полную дисциплину и не нарушали общественного порядка.

Когда стали съезжаться приглашенные на банкет гости, полиция, ссылаясь на обращение консульского корпуса, попросила демонстрантов убрать макеты, что и было сделано. Но горячая молодежь не успокоилась. Немедленно была нанята китайская джонка (здание консульства стояло на берегу реки Вампу) и на нее перенесены гроб и каторжник — дипло-

мат. Джонка стала на якоре против консульства. Макеты ярко освещались прожекторами собравшихся иностранных катеров, команды которых сочувствовали демонстрантам.

Количество собравшихся увеличилось после отслуженных в православных храмах Шанхая панихид по жертвам кровавого «Октября». Молчаливо и в то же время грозно стояла толпа. Организаторы протеста стали раздавать свечи, привезенные из храмов. Зажглись тысячи огоньков. Чей-то мощный голос провозгласил «Вечную память» жертвам кровавой власти и всем павшим в борье с нею. Все встали на колени и траурное песнопение огласило воздух... Впечатление было настолько потрясающим и волнующим, что на коленях стояли даже детективы с иностранных концессий, наблюдавшие за порядком. В то же время со стороны Вампу, где стояла джонка, раздались звуки траурного марша. Нервы коммунистических палачей не выдержали и, когда окончилось пение и вставшая с колен толпа стала приближаться к консульству перепуганные «дипломаты» открыли огонь по безоружным демонстрантам среди которых было много женщин и подростков. Возмущение достигло высших пределов. В окна консульства полетели трости, камни и даже несколько дамских сумок. Охваченные чувством мести, демонстранты ворвались в консульство. Впереди их были кадеты Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса Евгений Бахтин и кадет Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса Борис Пельгорский.

С верхней площадки лестницы забаррикадировавшиеся красные бандиты, продолжали стрельбу. **Кадет Евгений Бахтин** был тяжело ранен и скончался через десять дней от тяжелых ранений. **Кадет Борис Пельгорский,** также вследствие тяжелых ранений, умер через несколько лет в Шанхае.

Интересно отметить, что в стрельбе принимал участие известный советский журналист Д. Заславский, скончавшийся несколько лет назад в СССР. В некрологе, посвященном ему, было сказано, что он отражал в 1927 году нападение белогвардейцев на консульство СССР.

Никогда ранее Шанхай не видел столь грандиозных и величественных похорон, какие были устроены кадету Бахтину. Тысячи людей, участвовавших в похоронной процессии, и десятки венков от русских организаций и частных лиц, несомых за гробом, свидетельствовали о безграничной скорби единомышленников юного героя, открытой грудью встретившего пули подлого врага.

Кадет Евгений Бахтин был похоронен на кладбище Люкавей и, когда через 20 лет китайские коммунисты захватили Шанхай, по распоряжению советского консульства его могила была уничтожена.

Так расправляется разбойная власть со своими врагами даже после их смерти.

(«Русская жизнь»).

Анатолий Скрипкин.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Нами получены два письма протеста по поводу статьи, появившейся в газете «Русская Жизнь» от 14-го апреля 1983 г. под названием «Трагедия адм. Колчака». Одно письмо прислано начальником отдела Русского Обще Воинского Союза в США, капитаном Ивановым, другое Борисом Павловым, участвовавшим еще юным кадетом в Белой борьбе в составе Алексеевского полка. Б. Павлов в настоящее время представляет РОВС и Алексеевское Объединение на Калифорнию. Оба письма, схожие по содержанию, протестующие против огульных обвинений ген. Алексеева, были посланы в редакцию «Русской Жизни» но, как мы были информированы, напечатаны там не были.

Во избежание повторения, мы публикуем только письмо г-на Павлова, дающее более исчерпывающий ответ на критикуемую статью, надеясь что кап. Иванов не будет на нас в претензии.

Присоединяя свой голос к протесту мы уверены, что редакция «Русской Жизни» согласится с нами в ненужности для русской зарубежной печати «стрелять по своим» и этим присоединять свой голос к той русско-язычной печати, которая прилагает все свои усилия к безудержной критике всего русского достояния.

Считая «Русскую Жизнь» своим товарищем по оружию, мы призываем ее присоединиться к нашему девизу, так прекрасно выраженному словами чукотской песни:

«Возьмемся за руки друзья, чтоб не пропасть поодиночке».

Н. В. К.

В ЗАЩИТУ ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛА АЛЕКСЕЕВА.

В «Русской Жизни» от 14 апреля с. г. в статье «Трагедия адмирала Колчака было напечатано следующее:

«Иногда нерешительность ведет к великой драме. Вот и Император Николай 2-й, когда ген. Алексеев и ген. Рузский потребовали отречения его, должен был потребовать схватить этих молодчиков, лишившихся последнего умишки, и повесить такую гнусную парочку авантюристов на телеграфных столбах; жива бы до сих пор была Россия и не существовало бы рабство от социалистов в современной России, и миллионы людей не болтались бы по загранице. Лучше повесить пару негодяев, чем всю страну погубить».

Прискорбно, что подобные грубые выпады, к тому же не отвечающие исторической правде, приходится читать в нашей русской национальной газете, причем без всяких оговорок со стороны редакции.

Почему такая злоба именно против ген. Алексеева? Ведь именно он был первым кто начал Белое движение. Его оплевывать — это оплевывать всех, кто пошел за ним и отдал свои жизни, служа России. А это были те лучшие, которых тогда дала Россия.

Сам адмирал Колчак, кому посвящена статья автора, направлялся через Сибирь на Юг России, чтобы там под водительством ген. Алексеева служить Белому делу и только узнав по дороге, в Омске, о кончине ген. Алексеева, он остался в Сибири.

Автор статьи, мне кажется, не совсем правильно информирован о событиях трагических дней февраля 17-го года.

Ген. Алексеев, наоборот, делал все возможное, чтобы предотвратить революцию, но его возможности, как известно, были ограничены. Во второй половине февраля в Петрограде начались беспорядки. Ген. Алексеев, как бы предвидя их, еще задолго до этого предлагал Государю послать в Петроград с диктаторскими полномочиями Вел. Кн. Сергея Михайловича — энергичного и решительного человека. Государь, по чьему-то совету, отклоняет эту кандидатуру и только во время уже начавшихся беспорядков посылает туда, во главе двух дивизий, порядочного, но дряхлого старика, ген. Иванова, совершенно неспособного для выполнения этой задачи.

Затем Государь, обеспокоенный положением семьи, решает ехать в Царское Село. Ген. Алексеев умоляет его этого не

делать и не покидать в эти роковые дни армии, т. к. она единственная сила на которую, если нужно , можно будет опереться. Несчастный Государь соглашается не ехать, но в ту же ночь, не предупредив Алексеева и не оставив ему никаких распоряжений, уезжает к Семье в Царское Село. Как известно, доехать ему туда не удалось и Ставка на какое-то время потеряла с ним связь. В это время в Петрограде уже начинается настоящая революция. — Правительство капитулировало и большинство министров попряталось по своим квартирам. Власть фактически переходит к толпе. Родзянко для спасения положения требует уступок и все время телеграфирует в Ставку. Ген. Алексеев пытается связаться с Государем, чтобы получить от него распоряжения, но ему это не удается. Положение в Петрограде быстро ухудшается и Родзянко от лица Думы говорит что Ответственное Министерство положение уже не спасет.

Нужно было принимать ответственные решения. Ген. Алексеев к сожалению не был диктатором. Он считал своей главной задачей и обязанностью, как Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего, защищать Родину от внешнего врага. Поэтому он запрашивает всех Главнокомандующих фронтами, что ему делать? Перед этим он советуется с находящимся в это время в Ставке Вел. Кн. Сергеем Михайловичем и тот это его решение одобряет. Ответ всех Главнокомандующих сводился к тому что нужно «для спасения династии» и «выигрыша войны» просить Государя передать трон сыну. Так например Вел. Князь Николай Николаевич, которого никак нельзя заподозрить в нелюбви к Родине и Династии, в своей телеграмме на имя Государя пишет: «Коленопреклоненно молю, да снимите с себя венец власти и да возложите его на главу сына».

Сведения о происходящем тогда в Ставке мною взяты, главным образом, из воспоминаний полк. Б. Н. Сергеевского («Отречение»), бывшего в те дни Начальником Службы Связи Ставки. По своей должности он был в курсе всего, что происходило в ставке, т. к. через его руки проходила вся секретная переписка, а также все телеграфные разговоры Ставки. По словам людей его знающих, полк. Сергеевский был человеком исключительно порядочным, монархистом и большим русским патриотом, что вызывает доверие ко всему им сказанному. В его воспоминаниях о его службе в Ставке нельзя найти ничего порочащего ген. Алексеева, наоборот

он говорит о нем с большим пиететом и уважением. Из его воспоминаний никак не следует, что ген. Алексеев «требовал отречения Государя», как было написано в статье в «Русской Жизни».

Так за что же такая злоба на ген. Алексеева и почему винить только его в отречении Государя и во всех несчастьях свалившихся на Россию?

Между прочим ген. Алексеев даже не присутствовал при отречении Государя. Это прискорбное и трагическое событие произошло в Пскове. Акт своего отречения Государь вручил депутатам Госуд. Думы Гучкову и Шульгину.

Конечно ген. Алексеев делал ошибки, он сам их признавал и скорбел об этом. Но он своей службой Родине, до самой своей кончины, старался искупить их.

Поднять руку на память основоположника Белого движения, генерала Алексеева, — это плюнуть в душу Белой Борьбы.

Борис Павлов.

22 августа 1983 г.

Дорогой Николай,

Давно хотелось написать тебе, но все не мог собраться. Есть вещи, и в отношении «Переклички», и касающиеся наших съездов, с которыми я не могу согласиться, но не хотел бы быть не понятым и не звучало бы мое несогласие «критикой», которой я вовсе не намерен заниматься. Да и вообще, в письме нельзя передать всего, что налегло на сердце и что можно высказать в беседе. Пришлось бы вдаваться в длинные послания, да и то с последующими разъяснениями. Все же, после долгих размышлений, я решился написать тебе. Только убедительно прошу тебя, если ты вздумаешь поместить мои раздумья в «Перекличке», или пиши все, как я пишу, или воздержись, но не сокращай и не изменяй.

У вас, русских американцев, чувствуется влияние современных воззрений США. Оно может понятно, и по сложившемуся составу русской эмиграции в Америке, и по поговорке «с волками жить, по волчьи выть» (поговорка, которую не мог выносить ген. Адамович). Не с такими идеями я пошел воевать в последнюю войну.

Дам тебе, для примера, следующую иллюстрацию: читая «Незабываемое» Н. Н. Краснова во мне кипит негодование на то, что наши союзники могли опуститься до такого подлого

предательства казаков и возникает полное презрение к офицеру британской армии, считающему возможным дать «слово офицера» зная, что он лжет — независимо, какие приказания ему не давались бы. Чека, ГПУ, КПСС — называй как хочешь — наш враг с детства и угнетатель русского народа. Их методы нас возмущают, пощады от них не ждем, но и сами им бы не спустили будь у нас возможность, как бы не приходилось в жизни раскланиваться с отдельными личностями, которые возможно являются членами партии, или принимают доктрину последней. Но русский народ — это другое дело. Идти против русского народа, даже защищающего настоящий режим (сознательно или бессознательно), не считаю себя в праве. Немецкую форму, в последней войне, я бы не надел. Мне гораздо понятнее высказывания ген. Деникина, предупреждавшего Хитлера перед войной: «не тронь Россию, все вместе пойдем против тебя», или поступок Николая Гагарина, умышленно надувшего немцев и поступившего к партизанам.

Приходится слышать от американцев: «русские хотят разрушить нашу (т. е. западную, европейскую) культуру». Никто не намерен этого делать, но и им нечего мечтать насадить в России их культуру. Они должны понять, что Русская культура самобытная, являющаяся синтезом востока и запада. Потому-то она так важна для общей гармонии в мире.

Читаю о борьбе с анти-руссизмом. Но в рамках конституции США она теряет свой смысл. Этот вопрос гораздо шире.

Нельзя говорить о русской самобытности и вместе с тем поддерживать Регана и ко. с их накоплением средств уничтожения **русских,** как это делает А. Солженицын. Что же, он хочет вернуть нас ко временам Ивана Калиты?

Возрождение России — государства многонационального — может произойти лишь там, на русской земле, усилиями русских совместно с другими национальностями теперешнего СССР. Мы лишь можем оказать им поддержку, сдерживая аппетиты США и их сателлитов в критический момент.

Я вполне согласен с тобой насчет того, что нам надо думать о будущем России, подготавливая себя к любой неожиданной перемене. Приятно читать этюды по русской истории и быть свидетелем безграничной любви автором старой России, которая была далеко не отсталой, ни деспотической, как ее привыкли изображать на западе. Но эта любовь и преданность автора иногда заставляет его превозносить явления, благодетель которых для историка по меньшей мере спорна.

Известен ли у вас в Америке «Исторический путь России» П. Е. Ковалевского, д-ра Историко-филологических наук Парижского университета. Издан он был в 1946 г., все же очень рекомендую интересующимся русской историей прочесть этот сжатый труд. Если бы все в России было хорошо, то не было бы революции. Революционные идеи и марксизм пришли к нам с запада и были навязаны России (врагами и союзниками скопом) в трудное для нее время. Но существует этот новый режим там уже 66 лет и просвета пока не видно. Русский народ марксизм не принял, но и не ищет чего-то лучшего. Откуда взялось их пресловутое «лучше не рыпаться, лишь бы не стало еще хуже»? Откуда взялась такая инертность? Где величие русского народа? Одна женщина мне сказала: «русскому народу всегда жилось плохо. Раньше некоторым в России жилось хорошо, а теперь — другим». Что скажешь сталкиваясь с такими убеждениями? А такое довольно распространено в России...

Должен сказать несколько слов о «Перекличке». К сожалению — совершенно не по твоей вине — ее трудно принять за орган, при помощи которого мы могли бы обмениваться мнениями. Написав в редакцию, нельзя ожидать ответного отклика раньше чем через год, когда по всей вероятности пройдет актуальность затронутого вопроса. В добавок, как я уже писал тебе, очередной № «Переклички» доходит сюда через 7 недель после своего выпуска. Не мог бы ты устроить так, чтобы ты или кто-нибудь из сотрудников (кого может вопрос интересует) ответил корреспонденту письменно? Таким образом когда/если этот вопрос попадет на страницы «Переклички», можно будет тут же упомянуть об ответе, а также выяснить неясные детали. У тебя наверное есть представитель в Европе. Не мог бы он активно втянуться в такую переписку и заняться поддержкой короткой связи с кадетами в здешних краях?

Теперь о памятнике в Лондоне, упоминаемом в «Перекличке». В начале июля я был в Лондоне и нашел место памятника. Памятник был снят. В подножье фундамента нашел металлическую планку. Надпись на ней, на полу, очень трудно разобрать. Мне не хотелось опускаться на землю — сидя на корточках (это было вечером) было трудно прочесть текст. Я не нашел в нем упоминание Лиенца и мне кажется там говорится о советских пленных вообще, возвращенных после войны по общему соглашению, а не о предательстве каза-

ков. О таком неудовлетворительном положении я говорил моим английским знакомым, но как они могут повлиять не знаю. В следующий раз, когда буду в Лондоне, зайду туда снова.

Вышло длинное письмо, а на деле затронул вопросы только поверхностно, а следовало бы нам разобрать их. Будем надеяться, что когда-нибудь представится возможность.

По-товарищески жму руку, **Кн. Г. Гагарин, 8 вып. Р.К.К.**

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогой Григорий!

Отвечаю только по затронутому Тобой вопросу о «Перекличке», оставляя другим возможность обменяться мнениями с Тобой по иным темам поднятым в письме. «L'Etat c'est moi» сказал французский король. К сожалению должен признать, что как редактор нахожусь в таком же печальном положении. Ты прав — связь надо поддерживать, но за неимением времени и секретарей, одному все невозможно поднять и это остается одним из тех добрых намерений, которыми устлана дорога в ад.

Н. В. К.

«ВЛАДИМИРСКИЙ КОНКУРС»
ОБЪЕДИНЕНИЯ КАДЕТ РОССИЙСКИХ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ В НЬЮ-ЙОРКЕ.

По примеру прошлых лет в конце учебного года состоялся конкурс учеников Церковно-Приходских школ в Наяке, Лейквуде и Глен Кове. В этом году была предложена следующая тема: «История проникновения русских на Аляску и Северную Калифорнию».

После тщательного обсуждения, комиссия по оценке работ вынесла следующее решение:

Лучшей работой признано сочинение, написанное Борисом Иордан, учеником школы Св. Сергия Радонежского в Глен Кове, с присуждением ему первого приза в размере 100 дол., а школе переходящего «Владимирского Стяга».

Комиссия постановила присудить 2-й приз в размере 50 долларов ученику школы Св. Александра Невского в Лейквуде Петру Ледневу, а 3-й приз ученице Св. Покровской школы в Наяке Марии Будзилович.

Ученики Св. Сергиевской Гимназии участвовали в отдельном конкурсе на тему: «История Антикоммунистических Вос-

станий на территории СССР с 1920-1934 г.г.». Это первая попытка дать возможность ученикам Гимназии критически подойти к событиям происходившим на нашей многострадальной Родине после революции.

Первую награду в размере 100 дол. получил ученик старшего класса Давид Степанов.

Всем награжденным обоих конкурсов будет выдана книга «Русские Кадетские Корпуса за Рубежом».

От имени комиссии и кадетского Объединения ,поздравляем всех награжденных за отлично выполненные работы, а всех участников за проявление старания и интереса к русской истории.

Поздравляем директоров и наставников школ и желаем им сил и здоровья на продолжение их полезной работы с молодежью на национальном поприще.

Надеемся, что на следующий год больше школ примет участие в конкурсе, который мы проведем в середине школьного года, что облегчит работу ученикам, наставникам и оценочной комиссии.

Глеб Сперанский
Председатель Объединения.

ИСТОРИЯ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИХ ВОССТАНИЙ.

Существует такое мнение будто бы каждый народ заслуживает свое правительство. Вот под таким лозунгом руссофобствующие историки утверждают, что русскому народу, не видавшему свободы веками, советская власть будто бы ему по вкусу и что он и не желал бороться с нею.

Эти утверждения не верны. С первого дня после Октябрьского Переворота, который прошел без народного участия, у Советской власти был всего лишь один город — Петроград, где с первых дней произошли восстания военной молодежи против Большевизма. Юнкера и женщины-ударницы выступили на борьбу с Советами, но они были жестоко подавлены латышскими Стрелками, которые стали опорой Советской Власти.

Даже когда большевики овладели всей страной, народ оказывал сопротивление и никогда не переставал бороться с чумой России — Советской Властью.

Так вот, в первые дни Советской Власти, служащие Государственного Банка объявили забастовку, которая была насильно подавлена. Большевикам, у которых не было достаточно сил и при положении, что большинство гарнизонов объявили нейтралитет и при том, что рабочие в своем большинстве были настроены против Советской Власти, чтобы создать Красную Армию, большевики стали организовывать бригады из чешских, польских, венгерских коммунистов, которые стали опорой Советской Власти в подавлении восстаний.

Положение в деревне, даже при Временном правительстве, было шатким. Крестьяне не желали подчиняться центральному правительству. Теперь же при большевиках, крестьяне вообще отказались от какой-либо власти и стали управляться сходами.

В декабре 1918 года Ленин создает ЧК для борьбы с контрреволюцией во главе с Ф. Дзержинским, который организовал террор против любого выступления или борьбы с Советской Властью.

1918 год был годом многих восстаний. Так в этом году избранный казаками атаман ген. Каледин с помощью ген. Алексеева организовывают «Добровольческую Армию», цель которой состояла в борьбе с большевиками, восстановление порядка и армии для ведения войны с Германией до победного конца и доведения России до Учредительного Собрания. Однако, большевики, желая удушить мятеж бросают на Дон армию, которая при нейтралитете местных казаков и с сочувствием бывших фронтовиков, вынуждают «Добровольческую Армию» покинуть Дон. Все же после нескольких месяцев жизни под большевиками, казаки с помощью «Добровольческой Армии» освобождают Дон из под красного ига.

В Москве, Борис Савинков, организует «Союз за Спасение Родины, который поставил себе цель — провести восстание в 23 городах. Этот план удался частично. Так в Рыбинске он был спровоцирован, в других городах не хватало сил и только в Ярославле этот план удался. Восставшие, захватив город, но не дождавшись помощи от Союзников, были вынуждены защищаться сами и были жестоко наказаны

В Москве, восставшим удалось захватить телеграф, и арестовать Дзержинского, но, не имея поддержки, не смогли продержаться.

Далее одно из самых знаменитых восстаний, которое также считается самым большим, было восстание крестьян Поволжья

и Западной Сибири, которое превратилось в Восточный Фронт.

В 1920-21 годах произошли восстания, которые заставили большевиков прибегнуть к крайней мере — к отречению от коммунизма и установлении НЭП'а.

Среди этих восстаний были восстания в Тамбове, восстания на Ижевском и Воткинском Заводах, Кронштадтское и Антоновское Восстание.

В Тамбове, крестьяне вызванные на регистрацию, не пожелали следовать и служить большевизму и отказались воевать за интернациональный комунизм. Присланные войска для подавления этого восстания, были разбиты, а конные бригады даже присоединилась к восставшим. Однако же из-за нехватки сил и обмундирования это восстание было подавлено.

На Ижевском Заводе, рабочие (40 тыс.), которые жили в достатке до переворота, не были на стороне большевиков, а бывшие фронтовики были открыто настроены против коммунистов. После того, как пришел приказ о том, что все военнообязанные должны будут идти на фронт для борьбы с белыми, союз фронтовиков отказался подчиниться приказу, на что большевики ответили арестом руководителей союза. На это рабочие разоружили часовых и стали усиленно вооружаться. Красные, желая подавить восстание были отброшены. Через 3 дня восстали рабочие Воткинского Завода, против которых было брошено 8.000 красноармейцев, которые были откинуты.

Между тем восстания охватили район Вятской Губернии с населением в 700-800,000 человек.

Вскоре, большевикам удалось взять Ижевск и начаалсь кровавая расправа с восставшими. Но все-таки 10.000 ижевцев влились в армию адм. Колчака и продолжали борьбу с Красной чумой.

Происходили также восстания и в красной армии. Целые дивизии, полки и армии присоединялись к Белым Освободительным войскам для борьбы с большевизмом. Среди них были Тульская Дивизия, ушедшая в армию Юденича после освобождения Гомеля, Николаевская и Вольская Дивизии, Вторая Украинская Армия, освободившая большую территорию на правом берегу Днепра и раздавшая совхозную землю крестьянам, и многие другие.

Восстали также и опора революции — Кронштадтские Матросы в 1921 г., которые после репрессионных действий большевиков к жителям Петрограда, создали Временный Револю-

ционный Комитет и потребовали прекращения террора, восстановления свободных выборов в советы и свободу слова и печати.

На это красные ответили террором, арестовывая семьи матросов. После неотвеченного ультиматума, большевики, объявив осадное положение, штурмом взяли Кронштадт. Опять восставшие были жестоко наказаны.

Антоновское Восстание, начавшееся в Тамбовской Губернии и превратившееся в огромную опасность советской власти, также началось в 1921 году. На это восстание, красные ответили террором, убив 500 крестьян. Но восстание не прекращалось и только после того как крупные силы большевиков разбили отряды Антонова, сопротивление фактически прекратилось. Однако небольшой отряд во главе с Антоновым продолжал борьбу в лесах вплоть до 1922 года, когда Антонов был окружен и убит.

С 1922 по 1930 г.г. происходят восстания национальных меньшинств, из которых самое длительное и упорное, было на Алтае. Также произошли восстания в Зап. Сибири и на Кавказе. В Средней Азии было организовано (в1922 г.) Басмаческое Движение под руководством Бека и русских офицеров, которое продолжалось вплоть до 1934 года.

При введении коллективизации произошла волна восстаний крестьянства. Крестьяне убивали коммунистов и организаторов колхозов, поджигали амбары и убивали скот, делали буквально все, что было в их силах, только не отдавать в колхоз.

Русский народ всегда вел и будет вести борьбу с советской властью. Борьба ведется и сейчас, однако же мы не знаем о ней, — советская власть заботится о сохранении секретов своих. Борьба велась и будет вестись, так как советская власть не народная и не была выбрана народом. Борьба будет вестись пока советская власть не будет свергнута.

Давид Степанов

ученик Св. Сергиевской
гимназии в Нью-Йорке.

ИСТОРИЯ ПРОНИКНОВЕНИЯ РУССКИХ НА АЛЯСКУ И СЕВЕРНУЮ АМЕРИКУ И ИХ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ ВЛИЯНИЕ НА АЛЕУТОВ И ИНДЕЙЦЕВ.

После завоевания Казани в 1552 г. в царствование Ивана Грозного, русские войска двинулись по Волге и заняли город Астрахань на Каспийском море. После этой победы вся Волга стала русской рекой. Тогда открылся путь за Урал для русской торговли и колонизации.

По заданию купцов Строгановых атаман Ермак Тимофеевич первый отправился в незнакомую страну за Урал, разбил Кучума и взял главный город Сибирь. Ермак погиб в 1554 году.

Землепроходцы, духовные дети Ермака, продолжали его дело и добрались до берегов Ледовитого океана и Камчатки. Среди них самые известные были Семен Дежнев и Семен Челюскин. Первый проплыл из Тихого океана в Ледовитый, открыв пролив между Азией и Америкой в 1648 г., а второй добрался на санях до самого северного мыса в Сибири.

Петр Великий в 1725 году отправил научную экспедицию Беринга для разных исследований в частности проверить отделяется ли Азия от Америки проливом, причем корабли для путешествия должны были строиться на Камчатке. Этой экспедицией было установлено существование пролива. Но до Америки Беринг не доплыл, что удалось ему во время второй экспедиции в 1740 году.

Слухи об удачной охоте и богатстве края распространились среди промышленников. Купец Шелихов организовал Русско-Американскую компанию и послал первую партию промышленников на Аляску. Вскоре Шелихов вместе со своей женой отправился в Америку и на острове Кодьяк в 1784 г. основал первое русское селение под названием «Селение Трех Святителей».

Опасаясь нападения алеутов, Шелихов взял у соседних племен заложников — большую группу мальчиков, из которых он отобрал 25 самых способных и устроил для них школу, обучая их Закону Божию, русскому языку и арифметике. Алеуты охотно торговали с русскими, обменивая меха на ножи, топоры, пилы и лопаты. Другие русские компании тоже торговали с алеутами и основали школы.

В 1791 году на Аляску приехал Александр Баранов, который

прожил 28 лет в Америке и считался самым выдающимся устроителем русских владений в Америке сначала как управляющий Шелиховской компанией, а затем как главный русский правитель в Америке.

Баранов построил сначала новую гавань на острове Кадьяке, а затем Форт Архангела Михаила около теперешнего города Ситки. Сам Баранов женился на дочери вождя одного индейского племени и завел хорошие отношения с индейцами. Он создал на крайнем северо-западе Америки почти на пустынном месте цветущую колонию.

В 1784 году приехала первая Православная миссия в составе восьми монахов. Несмотря на трудную работу по постройке келий, церкви, разведения огородов и прочего, работа миссии была весьма успешной — алеуты легко принимали православие. После короткого промежутка в миссии осталось только четыре человека (три погибло на корабле, а одного убили индейцы). По просьбе Российско-Американской компании иркутским епископом были присланы один священник креол и отец Иоанн Вениаминов. Последний с братом построил церковь, школу, изучил алеутский язык, составил для этого языка азбуку. Используя церковно-славянские буквы начал переписывать детям алеутский язык. Он также перевел литургию и Евангелие от Матфея. Впоследствии он стал Митрополитом Московским Иннокентием.

Один из Валаамских монахов, Герман, тоже основал училище на острове Еловом, где обучал алеутов закону Божию, русскому языку и арифметике. Он вел святую жизнь и был причислен к лику святых в 1970 году.

В 1800 г. прибыл на Аляску Резанов, один из директоров Русско-Американской компании, объединившей все русские торговые общества. Зная о трудных условиях жизни в Аляске он мечтал установить постоянное снабжение колонии свежими овощами и мясом. На своем корабле он отправился в Сан-Франциско, где сделал все закупки и на обратном пути обследовал берега Северной Калифорнии. В 1811 году Русские поселились в заливе Бодега, а затем недалеко основали Форт Росс. Там была построена первая ветреная мельница. Разводились сады, огороды, обрабатывались поля, разводился скот, работали мастерские. Была построена часовня.

Несмотря на все затраченные труды, Россия в 1841 году продала Форт Росс американцу Саттеру, а в 1867 году продали Аляску Соединенным Штатам Америки, так как Россия

терпела постоянные убытки в торговле и стоимость содержания администрации очень увеличилась. Русская Америка была далекой и дикой окраиной империи и связь с Россией велась кораблями, которые поставляли продукты, товар для обмена и вооружение, а увозили пушнину. Русские правители после Баранова были главным образом морские офицеры. Они больше интеерсовались просвещением и изучением края, чем торговлей. К 1861 году в Ново-Архангельске были два научных института, коледж, музей и публичная библиотека, а в 1867 году в Русской Америке было пятьдесят школ.

Русско-Американская компания при посредстве своих управляющих, а русское правительство через своих правителей и Духовную миссию оказали огромное культурно-просветительное и религиозное влияние на население алеутских островов, Аляски и Северной Калифорнии. Они оставили культурные центры со школами, музеями, библиотеками, распространяли Православие, составили азбуку и перевели духовные книги на алеутский язык. Стараясь всячески поддерживать доброе отношение с алеутами и индейцами, они избежали кровопролития и уничтожения местного населения. Русские насельники не имели расовых предрассудков, часто женились на местных девушках, укрепляя дружбу. Шелихов, Баранов, Резанов, Барон Врангель — навсегда вписали свои имена в Русскую Историю Америки и почитаются до сих пор всеми жителями Аляски и Алеутских островов. Последним губернатором Аляски был капитан 1 ранга князь А. П. Максутов. Его внук инженер О. К. Максутов окончил в 1928 году Русский кад. корпус в Югославии и ныне проживает в районе Нью-Йорка.

Борис Иордан
ученик приходской школы
преп. Сергия Радонежского
в Глен Кове.

ВЫСОКАЯ НАГРАДА.

Алексей Федорович Захарьин, член Нью-йоркского кадетского объединения (сын пок. Ф. Захарьина, кадета 8 вып. Р.К.К.), награжден высокой наградой армии США. 13 июня с. г. ему был вручен орден, орденская планка и почетная грамота за технические достижения. Это его 33-я награда, полученная за технический вклад в американскую оборону.

СПИСОК ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ В ФОНД ЖУРНАЛА

Н. Мурзин 9 д.; И. Донцов 5; П. Пагануцци 25; В. Казимиров 10; Б. Ганусовский 10; Л. Левандовская 3; И. Халафова 8,54; В. П. Тихомиров 25 д; В. Вениосов 50; кн. Т. Багратион-Мухранский 4; Кад. Объединение в Лос Анжелесе 1000; А. Истомин 5; А. Шамбо 5; Р. Фолькерт 5; П. Роман (Величко) 10; Елена Владимировна де Сэн Лоран в память мужа Алексея, кадета 9-го вып. I Русского Кад. Корпуса 100 д.

Всем жертвователям выражаем глубокую благодарность.

—

ПЕРЕДАЧА ЗНАМЕН.

Объединение Дроздовцев
в США, Лейквуд, Н. Дж.
1 июня 1983 г.

**ОБЪЕДИНЕНИЮ КАДЕТ
РОССИЙСКИХ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ ЗА РУБЕЖОМ,
Нью-Йорк, США.**

Объединение Дроздовцев в США просит своих единомышленников и носителей наших белых идей Кадет Российских Корпусов присоединить к своим знаменам на хранение и наши Николаевские знамена 2-го и 3-го стрелковых имени генерала Дроздовского Полков.

Председатель Объединения
подпоручик **Н. Новицкий**

Вице председатель
поручик **Н. Д. Стрельцов**

Секретарь вольноопределяющийся
Т. Миценко

—

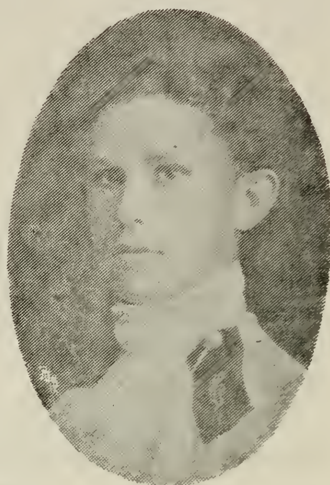
ИСПРАВЛЕНИЕ

В № 32 журнала в отделе приветствий Съезду на стр. 129 неправильно указана фамилия председателя Русского Дома в Мельбурне, Австралия. Фамилия председателя **М. Климецкий.**

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ

АРХИТЕКТОРА ВАЛЕНТИНА ГЕОРГИЕВИЧА ГЛИНИНА.

30-го июля с. г. русское зарубежье понесло незаменимую утрату. После затяжной и изнурительной болезни недалеко от Нью-Йорка в гор. Глен Кове покинул кадетский строй и свой профессиональный пост архитектор

ВАЛЕНТИН ГЕОРГИЕВИЧ ГЛИНИН,

кадет Крымского кадетского корпуса 8-го выпуска.

Кто из крымцев не помнит кучерявого, задорного, всеми любимого кадета-художника, часто проводившего свои досуги за мольбертом, кадета у которого товарищество и традиции стояли всегда на первом месте.

Помню, как будучи уже в 8-ом классе и ожидая производства в вице-унтер-офицера во время прогулки за корпусным зданием на прудах он заметил группу малышей из 3-ей роты, двое из которых готовились к дуэли на монтекристо стрелявшим дробинками. Отобрав у дуэлянтов оружие и захватив их с собою в помещение первой роты, решительными мерами он навсегда пресек их любовь к огнестрельному оружию. Монтекристо же положил в свой сундучек под кроватью. При неожиданном осмотре дежурный офицер обнаружил запрещенное оружие. Валя объяснил его происхождение, но категорически отказался назвать имена виновных, т. к. меры взыскания были уже им наложены и поэтому выдать их начальству для повторного взыскания не полагалось. В ре-

зультате балл за поведение упал до единицы и золотые нашивки не коснулись его погона.

По окончании корпуса — Архитектурное Отделение Технического Факультета Белградского Университета, которое Валентин Георгиевич с успехом заканчивает и начинает карьеру архитектора в проектном бюро военного инженера Сташевского, разрабатывая детали нового монументального здания югославского генерального штаба. Здесь же начинается его первое увлечение церковной архитектурой. По его проекту в селе Слатине построена церковь в стиле сербской архитектуры времен турецкого владычества.

Вторая мировая война, разметав наладившуюся жизнь, забросила его в Германию. Там он женился, там же родился сын Александр. В 1949 г. семья переселилась в Америку, где наконец после первых беспокойных лет, наполненных заботами о семье, поискам отвечающей его желаниям работы и изучению языка, Валентин Георгиевич налаживает свою жизнь, работая в одной из небольших архитектурных фирм. Свое свободное время он посвящает проектированию православных храмов. Одной из первых работ на этом поприще была разработка архитектурных деталей Св.-Владимирского храма-памятника в Джаксоне, Нью Джерси, которую он принял на себя по просьбе архитектора Верховского, автора идейного проекта этого храма. После смерти архитектора Верховского Валентин Георгиевич принял на себя общий архитектурный надзор над постройкой храма, строительством которого руководил арх. Н. Попов. На этой работе мне пришлось впервые профессионально сотрудничать с покойным так как по его просьбе я помогал ему статистическими расчетами алтарной апсиды, кровли и купола. Сотрудничество с ним на этой и некоторых других его работах, открыло мне до того неведанный мною внутренний мир моего старого друга, которого, казалось мне, я знал до полной глубины с детских лет. Только глубоко верующий и истинно, а не по рождению, православный мог с тонким пониманием сочетать архитектурное оформление с кружевной резьбой по дереву алтарной стенки, обрамления икон и аналоя, как это собственноручно сделано им в Св.-Серафимовском храме в Си Клифе, в церкви Успения Пресв. Богородицы на кладбище в Св.-Троицком монастыре в Джорданвилле и в храме в Мансонвилле в Канаде. С чувством глубокой ответственности, вникая в малейшую деталь, а главное с нелицемерной верой и

любовью, скромно, без ненужной рекламы, оставаясь многим до сих пор неизвестным, творил архитектор В. Г. Глинин свои изумительные храмы, украшая многие из них художественной внутренней отделкой. Пристройка паперти и притвора к Св.-Троицкому храму монастыря в Джорданвилле, церкви в Канберре в Австралии и Ютике, все это остается богатым наследием российского храмостроения в нашем зарубежье.

Одной из последних его работ по церковной архитектуре была собственноручно построенная им модель звонницы, которая, по просьбе Конгресса Русских Американцев была создана им уже тяжело больным, как памятник тысячелетию крещения Руси. К сооружению этого памятника будет приступлено, когда определится место для его постройки.

Судьба была особенно щедрой к Валентину Георгиевичу, наградив его еще одним незаурядным талантом. Наши читатели хорошо знакомы с его историческими очерками, освещавшими деятелей и события разных эпох нашей истории в ином свете, зачастую резко отличавшимся от казенно-шаблонных норм. Печатался он и в других изданиях.

Когда по воле Божией, мне пришлось принять на себя издание «Кадетской Переклички» я обратился к Валентину Георгиевичу с просьбой помочь мне и вести административную часть издания журнала, он принялся за дело со свойственной ему ответственностью и преданностью делу, поставив журнал на деловую базу и упрочив его финансовую независимость. Без преувеличения могу сказать, что последние годы Валя жил журналом, отдавая ему все силы и помыслы и глубоко переживая его невзгоды.

Вторым браком Валя был женат на Марии Николаевне, ур. Лаврентьевой, с которой прожил самые счастливые годы своей жизни. Без ее моральной поддержки и живого участия Вале было бы много труднее поверить в себя и преодолеть сомнения так обильно возникающие на тяжелом творческом пути.

Марии Николаевне, верной спутнице и другу покойного, с любовью и лаской облегчавшей тяжелые дни его болезни, выражаем искреннее соболезнование.

Мир праху твоему, дорогой друг, верный и любящий сын своей родины России.

Н. В. Козякин.

Церковь в селе Слатина — Югославия

ЦЕРКОВНОЕ ЗОДЧЕСТВО АРХИТЕКТОРА В. Г. ГЛИНИНА

Паперть и притвор храма в Джорданвилле

Храм на кладбище в Монастыре Джорданвилле

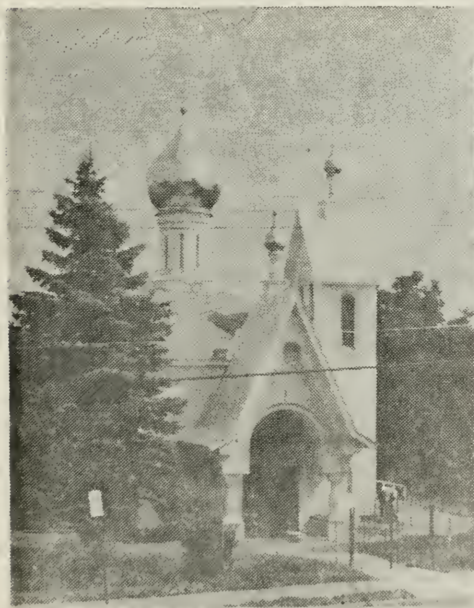
Церковь Св. Серафима Саровского в Си-Клифе

Шатровый храм в Мансонвилле. Канада

Церковь в Канберра. Австралия

Церковь в Ютике, США

Модель памятника-звонницы.

Вечная память

ушедшим однокашникам

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

9 июня с. г. в Париже скончался инженер

АЛЕКСАНДР ГРАКОВ

кадет 7-го выпуска Крымского Кадетского Корпуса. Кадеты крымцы выражают искреннее соболезнование семье покойного.

—

17 августа с. г. после долгих лет мучительной болезни скончался

ВЛАДИМИР СТРОГОВ

кадет Крымского и Донского кадетских корпусов.

—

28 июля с. г. в Белграде (Югославия) скончался

ВЛАДИМИР ТОМИЧИЧ

кадет Одесского и Крымского кадетских корпусов.

—

26 мая с. г. в Монреале скончалась

ТАТЬЯНА ЛЯШЕНКО (ур. Мордвинова)

супруга пок. Евгения Ляшенко, кадета 11 вып. I Р.К.К.

—

В г. Маракаибо (Венецуэла) скончалась

ТАТЬЯНА ЛАМЗАКИ (ур. Сотникова)

супруга С. Ламзаки, 5 вып. Р.К.К.

—

13 июля с. г. в Лейквуде скончалась

ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ТАЛЬКОВСКАЯ

супруга А. Тальковского, кадета К.К.К.

—

Объединение Кадет Российских Кадетских Корпусов За Рубежом имени Е. И. В. Вел. Княгини Ольги Александровны г. Торонто, Канада, скорбит о преждевременной кончине кадета-крымца, архитектора

ВАЛЕНТИНА ГЕОРГИЕВИЧА ГЛИНИНА

и выражает свое искреннее соболезнование супруге Марии Николаевне и сыну Александру с семьей.

—

22 Сентября 1983 г. в Пенсильвании скончался

ТОКА ДОКУГИНОВ

Вице-Вахмистр 43 вып. Донского Императора Александра III Кадетского Корпуса.

—

В Югославии скончались

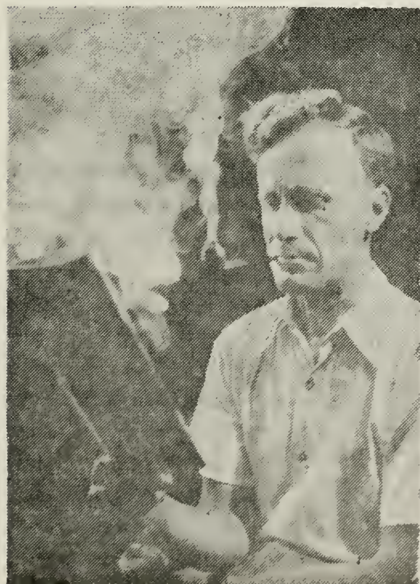
ВЯЧЕСЛАВ КРУТИКОВ

кадет Крымского Кадетского Корпуса.

—

Памяти дорогого друга

ВАСИЛИЯ НИКОЛАЕВИЧА ЧЕПУРКОВСКОГО.

3-го июля 1983 года в г. Зренянине (Петровград) Югославия, скоропостижно скончался от сердечного инфаркта

ВАСЯ ЧЕПУРКОВСКИЙ,

кадет Донского Императора Александра III Кадетского Корпуса.

С семьей Чепурковских нас связывала долголетняя дружба (и кумовство), прерванная его неожиданной смертью (младший сын Васи — наш крестник).

С детства Вася очень любил свою мать, умершую в Билече (в 1922 году), где Васин отец, полк. Чепурков-

ский, был воспитателем в Корпусе. Тоскуя после смерти матери Вася не находил себе места в стенах корпуса, и, наконец, найдя себе сообщника в лице пок. Евгения Рубанистого, бежал из корпуса. В свое время этот побег вызвал сенсацию. Корпусным и местным властям удалось напасть на след Рубанистого и его возвратили в корпус. Васе же удалось пробраться на Далматинское побережье, где его приютил, на довольно долгое время, один сердобольный далматинец, принявший юного беглеца как родного. Вася этого никогда не забывал и до самой смерти своего покровителя навещал его, считая чуть ли не вторым отцом!

После корпуса Вася Чепурковский поступает в Железнодорожный Техникум, по окончании которого служит чиновником движения на главной магистрали страны: Белград-Загреб.

Приходит время служить в армии, и Вася отбывает воинскую повинность в Школе Резервных Офицеров, опять в Билече.

После войны В. Н. Чепурковский переходит работать в Дирекцию Гос. Жел. Дорог, и, продолжая учение, получает университетский диплом в области ж. д. транспорта. Дослужившись до звания высшего инспектора ж. дорог, Вася выходит на покой, оставаясь жить в Зренянине.

Будучи пенсионером покойный принимает активное участие в русской церковной жизни своего города и занимается фотографией.

Похоронили Васю на так наз. русской парцеле православного кладбища, при большом скоплении народа.

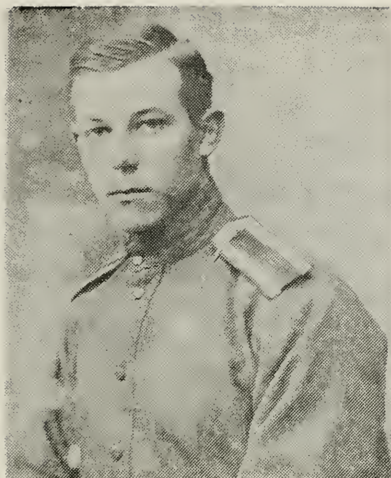
После покойного остались: его верная супруга Бригита и два сына, Борис (Дир. фабрики) и Виктор, инженер-механик (Сплит) с женами и внуками.

Был Вася всегда веселого и жизнерадостного характера, полон кипучей энергии, готовый всегда помочь своему ближнему.

Мир праху твоему, дорогой друг! Да будет легка тебе сербская земля, обильно орошенная твоим потом за 35 лет трудовой жизни!

Надежда и Павел Пагануцци.

—

Двадцать четвертого сентября тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года скончался инженер-электрик

АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ

ТАРНОГУРСКИЙ

вице-урядник сорок первого выпуска Донского кадетского корпуса.

—

В августе месяце с. г. в Германии скончался

Инж. БОРИС БЕЛОУСОВ

кадет Русского кадетского корпуса. Покойный принимал участие почти на всех съездах, где его импозантная внешность и густая русская борода олицетворяли спокойствие, уверенность и ласковую любовь к прошлому.

Мир праху твоему, наш старший друг и преданный кадет.

—

Printed by "Monastery Press". 8011 [redacted] Ave., [redacted]
Quebec. H2N [redacted] CANADA.